

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России

Российская ассоциация международных исследований

РАМИ
*mundum
cognoscendo*

V

материалы

КОНВЕНТА

Российской ассоциации международных исследований

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ВЗГЛЯД ИЗ БУДУЩЕГО

Том 7.2

Испания:

перспективы развития в XXI в.

Москва, 2009

РАМИ

*mundum
cognoscendo*

**Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

Мировая политика: взгляд из будущего

Материалы V Конвента РАМИ

Под общей редакцией ректора МГИМО (У) МИД России,
академика РАН А. В. Торкунова

Москва
МГИМО — Университет
2009

**Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

Том 7.2
Испания:
перспективы развития в XXI в.

Редакторы тома:
д. ф. н., проф. А. В. Шестопад
д. и. н., проф. С. М. Хенкин

Москва
МГИМО — Университет
2009

В сборнике представлены доклады и выступления, сделанные на секции «Испания и Латинская Америка: перспективы развития в XXI в.», проведенной в рамках V Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Мировая политика: взгляд из будущего» (МГИМО (У) МИД России, сентябрь 2008 г.)

Основное внимание авторы сосредоточили на внутривнутриполитических и внешнеполитических трендах развития Испании, в частности на перспективах экономической системы страны в условиях международного финансового кризиса.

Тексты публикуются в авторской редакции.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

© МГИМО (У) МИД России, 2009

© Авторы статей, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Ю. В. Дубинин Становление наших отношений с Испанией	9
А. В. Авилова Национальная программа реформ и перспективы развития испанской экономики	13
J. Santamaria The Spanish Party System at the beginning of the XXI th Century(An abstract)	17
M. A. Ruiz de Azua The Multiplication of Spanish Political Parties	19
А. А. Куракина Особенности эволюции электорального поведения в Испании (1977–2004).....	23
С. М. Хенкин Иммигранты: социально-психологические аспекты адаптации	33
А. Н. Кожановский Ибероамериканские «гастарбайтеры» на своей исторической родине»	39
И. Л. Прохоренко Финансирование местных сообществ в Испании: нынешнее состояние и перспективы реформирования	45
Е. С. Самсонкина Баскская националистическая мифология и реальность	51
А. А. Паисова Роль ежедневных газет «Эль Паис» и «Эль Мундо» в политической жизни Испании.....	59
П. П. Яковлев Внешняя политика Испании: «доктрина Сапатеро»	63
Е. Г. Черкасова Соотношение европеизма и атлантизма во внешней политике Испании (постфранкистский период)	71
Н. Е. Аникеева Особенности и перспективы внешней политики Испании (2004–2008 гг.).....	77
Г. И. Волкова Об отношении Испании к провозглашению независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии ..	83
Об авторах	87

Введение

В докладах и выступлениях, сделанных на секции, рассматривался широкий круг вопросов, связанных с современным состоянием испанской политики и перспективами ее развития. Исследовавшаяся проблематика органично вписалась в тематику V Конвента РАМИ «Мировая политика: взгляд из будущего».

Докладчики отмечали, что экономика Испании носит полупериферийный характер, сочетая черты экономического центра и периферии мировой системы. С 1993 г. страна переживала фазу устойчивого роста (средние темпы порядка 3% в год — опережающие по отношению к основным партнерам Испании по ЕС), объяснявшегося финансовым эффектом от вступления в Еврозону, строительным бумом и беспрецедентным притоком иммигрантов. Финансовый кризис, разразившийся в мире в 2008 г., отразился на «догоняющей» и пока еще структурно уязвимой экономике страны болезненнее, чем на большинстве ее более сильных европейских партнеров. Прогнозы на ближайшее время предвещают Испании дальнейшее замедление производства, превращение бюджета в дефицитный, ощутимое увеличение безработицы. Вместе с тем, факторами устойчивости признаются общая эффективность финансовой системы и способность привлекать инвестиции на потенциально прибыльный внутренний рынок.

Несколько докладов были посвящены политическим проблемам современной Испании, в особенности, развитию ее партийной системы и электоральным процессам. Ведущие партии страны — Испанская социалистическая рабочая партия и Народная партия контролируют примерно 80% электората. Партийное соперничество развивается в рамках модели умеренной многопартийности. В политической жизни происходит постоянное чередование консенсусной модели, при которой правящая партия имеет большинство в кортесах, опираясь на поддержку националистических партий в Стране Басков и Каталонии, и модели мажоритарной, когда «партия власти» обладает парламентским большинством.

В начале XXI в. партии оказались перед новыми вызовами. Один из них — быстрорастущая иммиграция, в особенности мусульманская и латиноамериканская, рассматривавшиеся участниками секции. Интеграция иммигрантов сопряжена с большими сложностями. Это касается, прежде всего, мусульман (преобладающую часть их составляют марокканцы). Коренные жители и мусульмане зачастую видят друг в друге представителей чуждой социокультурной среды. В этом свете

интеграция латиноамериканцев в испанское общество, казалось бы, должна носить относительно беспроблемный характер в силу «органической культурно-языковой близости». В реальности же имеет место тенденция к отделению испанцев от «латинов», расширению между ними культурно-психологической дистанции. Проблема сосуществования коренного населения с переселенцами становится первостепенной для жизнестойкости, прочности и устойчивости испанской политики.

Большое внимание участники секции уделили внешнеполитическим проблемам страны. Современная Испания, отмечалось в выступлениях, — средняя держава с глобальными интересами, умело сочетающая «жесткую» и «мягкую» силу. В 2007 г. она стала третьим по значению (после США и Франции) мировым экспортером капитала. Вместе с тем очевидно, что далеко не во всех частях света Испания занимает позиции, соответствующие ее экономическому и культурному потенциалу (это касается, прежде всего, азиатско-тихоокеанского региона). В период первой легислатуры ИСРП (2004–2008 г.г.) Мадрид отошел от приоритетной ориентации на США, характерной для правительства Аснара, и восстановил в правах европеизм как основной фактор внешней политики. Выступавшие не обошли стороной позицию Испании по проблемам Косово, Абхазии и Южной Осетии, заметно отличающуюся от позиции США и целого ряда европейских стран. Отдельная тема — воспоминания проф. МГИМО, Чрезвычайного и Полномочного посла Ю. В. Дубинина о становлении дипломатических отношений между нашими странами.

В целом работа секции и представленные доклады — заметная веха в осмыслении реалий современной Испании.

Проф. А. В. Шестопад,
Председатель Иберо-американского центра МГИМО

Проф. С. М. Хенкин,
Председатель секции «Испания и Латинская Америка:
перспективы развития в XXI в.» (сессия 1).

Становление наших отношений с Испанией

Ю. В. Дубинин

Этим летом, встретившись с нашим послом в Испании Александром Игоревичем Кузнецовым, я, естественно, поинтересовался состоянием наших отношений с этой страной.

— Отношения превосходные, — ответил Александр Игоревич. У нас с Испанией нет проблем. Требуется только одно — активная работа по развитию сотрудничества.

Отличная оценка. В основе такого положения много составляющих, в том числе и такой важнейший фактор для международного общения вообще и отношений между государствами, как доверие. Доверие не рождается спонтанно, в одночасье. Оно требует не только взаимных добрых намерений и устремлений, но и проверки временем. В связи с этим, я хочу поделиться одним из примечательных эпизодов, из которых складывалось доверие в наших отношениях с Испанией.

Как известно, мы хорошо провели переговоры об установлении дипломатических отношений с Испанией в 1977 г. после их сорокалетнего отсутствия и довольно быстро пришли к выводу о важности для их нормализации и развития такого фактора, как контакты с королем Испании доном Хуаном I. Но для движения вперед требовалось освободить общественное мнение стран, да и не только общественное мнение, но и сознание правящих кругов Испании от целого ряда враждебных Советскому Союзу догм, которые навязывались им при франкистском режиме. Самой вредоносной из них было обвинение нашей страны в причастности к баскскому терроризму. Баскский терроризм в это время — я веду разговор о 1978 г. — набирал силу, и без разоблачения этой клеветы двигаться вперед нам было бы трудно. В этом я предметно убедился в первом же разговоре с тогдашним председателем испанского правительства — то есть политическим руководителем страны — Адольфо Суаресом.

Я помню, что едва мы с ним расположились для беседы за небольшим столиком в дальнем углу его просторного кабинета, как он, что называется с места в карьер, даже без всякого протокольного разгона, чеканя слова, заявил:

— Посмотрите, господин посол, на мой рабочий стол (этот стол — большой — стоял в другом конце кабинета). На нем целая кипа донесений и том числе и из-за

рубежа, о поддержке вашей страной терроризма в Испании. И каждый день поступают все новые. Что вы скажете по этому поводу?

Вот так! Это первый-то разговор с руководителем страны, с которой мы только начинаем строить отношения. На это я ответил не менее четко:

— Освободите, господин председатель ваш стол от всех этих бумаг. В них нет ни грана правды. Наша страна — решительный противник терроризма, и, разумеется, она не поддерживала и не поддерживает терроризм в Испании.

Адольфо Суарес не стал затевать дискуссию.

— Вы сделали, господин посол, важное заявление. Мы запомним его.

Увы, дело не ограничивалось кабинетом председателя испанского правительства. При каждом новом теракте, а их число все возрастало, в средствах массовой информации поднималась враждебная нам вакханалия, вновь и вновь повторявшая измышления насчет того, что за спиной террористов стоит наша страна. Мы публиковали опровержения. Это не давало эффекта. Мы выступили в печати с воззванием, начинавшимся словами: «Испанцы, не верьте...». Результат тот же. После одного из крупных терактов, в результате которого погиб известный испанский генерал и кто-то еще из военных, влиятельная правая газета «Йа» вышла с напечатанным на первой странице жирными буквами лозунгом: Вдовы убиенных зывают к Советскому Союзу: «Прекратите лишать жизни наших мужей!».

Стойкая это вещь — общественное мнение! Чтобы переломить такие настроения требовалась какая-то яркая акция. Я решил, что такой акцией могла бы стать моя поездка в Страну Басков. Поясню. При первой встрече со мной министр иностранных дел Испании Марселино Ореха сказал мне, что я свободен совершать поездки по всей стране, по всем ее районам, но добавил:

— Вместе с тем, мы просим вас воздерживаться от поездок в Страну Басков. Там, пояснил он, и беспокойно, и небезопасно.

Я, конечно, следовал этому совету. В течение нескольких лет. Но в 1982 г. к власти в Испании пришли социалисты. С ними у нас были очень хорошие отношения, позволившие нам совместно с министром внутренних дел впервые опубликовать совместное опровержение о нашей причастности к какому-то очередному теракту, о чем написала газета «Йа». Одним словом, я решился. Поговорил все с тем же министром внутренних дел. Тот сказал: «Не возражаю. Охрана будет». И вот мы с женой в Бильбао. За нами по пятам следуют не только обычные во всех поездках по Испании работники испанской службы безопасности в штатском, но и военный джип с автоматчиками.

Ключевое мероприятие поездки — визит к руководителю баскского правительства — лендакари. Звали его Гарайкоэтчеа в столице Страны Басков Витории.

Теплый прием. Хорошая беседа. Часа через полтора прощаемся. И Гарайкоэтчеа, и я довольны встречей. Я выхожу во внутренний дворик перед входом в резиденцию и... оказываюсь перед плотной стеной журналистов. Это тем более неожиданно, что при моем приезде здесь не было никого. На меня производят впечатление лица журналистов — молодые, почти все с черными бородами, без тени улыбки, полные решимости не выпускать меня до тех пор, пока не получат ответы на все их вопросы. Выставляя вперед, словно автоматы, свои магнитофоны, фотоаппараты и телекамеры, они, сжимая ряды, берут меня в плотный круг. Обстрел вопросов. Конечно, прежде всего, на тему: Советский Союз и баскские террористы. Я отвечаю, опровергаю всякую связь, разъясняю, что

мы тут не при чем. Я понимаю всю ответственность, весь реальный вес моих слов: ведь они звучат для всей Испании прямо из Страны Басков, из ее сердца, с порога резиденции лендакари. Этого не замолчишь, не утаишь! Дальше происходит следующее.

Именно в тот день, когда я был у Гарайкоэчеа, средства массовой информации сообщают, что в Стране Басков террористы совершили очередную акцию — похитили мальчика. По обычным стандартам это был вполне подходящий случай, чтобы обрушить очередную порцию выпадов на Советский Союз. Однако на этот раз все происходит иначе. Испанское телевидение вслед за сообщением об исчезновении ребенка дает мой портрет и цитирует мои высказывания из Басконии. Оттуда их действительно услышали! Не успел я вернуться в Мадрид, как на мой стол посыпались вырезки из газет всей страны с броскими заголовками: «Советский посол заявляет: связь Советского Союза с ЭТА — ложь» — это газета из Бильбао, «Посол СССР отвергает причастность своей страны к ЭТА» — это из Наварры, «Советский посол отрицает взаимодействие КГБ с ЭТА» — это из Валенсии, «Утверждения об отношениях между КГБ и ЭТА — фальшивы. Их следует игнорировать» — это «Эль Паис» из Мадрида. Гора вырезок быстро растет. Все они однозначно позитивные — мои высказывания цитируются точно, без искажений. Впервые никто не вступает в спор.

Вот и газета «Йа». Та, что начала этот последний инцидент, выступив с фальшивкой, против которой мы протестовали с министром внутренних дел Баррионуэво. Она запоздала со своей реакцией на несколько дней. Вместо информационного сообщения о моих заявлениях газета публикует статью своего ведущего обозревателя Рикардо де ля Сиерва, академика, одного из виднейших приверженцев Франко. Я с ним знаком по светским приемам. Там мы с ним раскланиваемся. Он и в этой статье, которую назвал «Сюрприз со стороны посла», половину текста занял комплиментами в мой адрес. Но не для этого она была писана. В конце автор взрывается негодованием: как «осмелился посол столь издевательски отрицать связь ЭТА с КГБ?» И где? Находясь в Стране Басков! Это святотатство!

Но, увы! Негодование его бессильно. Ему нечего противопоставить моим словам. Никто не разделяет его возмущения. Там, в Стране Басков, с порога резиденции главы баскского правительства нам удалось радикально изменить отношение испанского общественного мнения по этой проблеме. А с Рикардо де ля Сиерва мы продолжали пожимать руки на светских приемах и с тем большей теплотой, что он тоже больше не возвращался к своей излюбленной теме.

С тех пор прошло немало лет. В 1984 г. состоялся Визит короля Испании дона Хуана Карлоса I в нашу страну. Его назвали историческим. Перед отношениями между нашими странами открывались широкие перспективы. В 1991 г. не стало Советского Союза. Одно из последствий этого события состояло в том, что в нашей стране открылись архивы. В том числе самые секретные. Разумеется, исследователей интересовало, как говорится, «жареное», — самое деликатное и в истории нашего государства и его международной деятельности. Международный терроризм был одной из таких тем. Вскрытие архивов лишний раз подтвердило то, что нами было доказано на заре наших новых отношений с Испанией: мы никоим образом не были причастны к террористической деятельности в Испании — тому злу, от которого Испания страдает, к сожалению, и по сей день. Все это стало одним из важнейших элементов доверия между нашими странами, столь важного для дальнейшего развития российско-испанского сотрудничества.

Национальная программа реформ и перспективы развития испанской экономики

А. В. Авилова

Принятая в 2005 г. Национальная программа реформ (НПР) является частью стратегии, провозглашенной ЕС на своем лиссабонском саммите (2000 г.), целью которой является выход Евросоюза к 2010 г. на лидирующие позиции в мире по уровню производительности и конкурентоспособности благодаря органичному соединению инновационного экономического роста, высокого уровня занятости и социального благосостояния населения.

Испанская программа, в соответствии с лиссабонской стратегией, ставит перед страной две основные задачи:

- достижение полной конвергенции с ЕС (определяемой как выравнивание средних показателей ВВП на душу населения);
- достижение высокого уровня занятости трудоспособного населения (66%).

ПНР содержит комплекс направлений и мер экономической политики, сконцентрированных вокруг нескольких стержневых идей:

- наращивание человеческого и технологического капитала;
- стимулирование предпринимательства;
- улучшение функционирования рынков труда, товаров и услуг.

Фокусом программы является повышение производительности экономики — главный фактор, определяющий ее развитие в средне- и долгосрочной перспективе. Поскольку испанская экономика является «открытой», производительность имеет ключевое значение в плане ее конкурентоспособности, потенциала дальнейшего роста и статуса в мировой хозяйственной системе. По существу, речь идет о переходе от нынешней модели роста, опирающейся на преимущественную специализацию на отраслях низкой и средней наукоемкости и массовое применение дешевой рабочей силы, к модели, отвечающей требованиям постиндустриальной экономики XXI века.

Реализации этих задач отвечают следующие основные установки ПНР:

- повышение удельного веса капиталовложений в НИОКР с 1,05% ВВП до 2% (что соответствует нынешнему среднему уровню стран Еврозоны, но ниже 3% — цели, зафиксированной лиссабонской стратегией ЕС на 2010 г.);
- увеличение доли частного сектора в этих капиталовложениях с 48% до 55% (относительно выравнивающее показатели Испании и ЕС);
- достижение уровня ведущих стран ЕС по удельному весу вложений в информационно-коммуникационные технологии;
- расширение деятельности Государственного института кредитования (ICO) по различным направлениям, включая поддержку малого и среднего бизнеса, стимулирование экспорта и т.д.;
- перестройка работы университетов в направлении ее сближения с потребностями национального производства и рынка;
- наращивание ресурсной базы венчурного бизнеса.

Суммарные вложения в НИОКР и инфраструктуру за ближайшие несколько лет, согласно Программе, составят огромную сумму — до 3% ВВП. Необходимо отметить, что в выполнении намеченных задач Испания будет опираться на финансовую поддержку ЕС в виде ассигнований, выделяемых ей из четырех структурных фондов Сообщества: регионального, аграрного, социального и фонда слияния. Все основные направления экономической политики, предусмотренные в испанской программе, системно увязаны с очередной среднесрочной программой деятельности структурных фондов ЕС на 2007–2013 годы.

Несколько слов о том, как развивалась испанская экономика в предшествующий период.

Начиная с 1993 г., то есть в течение полутора десятилетий, экономика Испании переживала фазу устойчивого роста со среднегодовым темпом порядка 3% — опережающим по отношению к ее основным партнерам по ЕС. Достаточно сказать, что на Испанию приходилось около 40% всех новых рабочих мест, созданных в Евроzone за 1996–2006 годы.

Этот динамизм был обеспечен, во-первых, благоприятным финансовым эффектом от вступления в Евроzonу (снижение реальных процентных ставок усилило стимулы для инвестиций и потребления); во-вторых, строительным бумом, особенно в сфере жилищного строительства (в настоящее время на строительный сектор приходится 18% испанского ВВП, и в нем занято 2,7 млн. человек); и, в-третьих, беспрецедентным притоком иммигрантов, который за короткое время увеличил население страны почти на 4 млн. человек и подарил ей 2 млн. новых работников. Приток дешевой рабочей силы оказывал сдерживающее влияние на рост заработной платы, но в то же время существенно расширил сферу потребления: на иммигрантов, в частности, пришлось около 60% общего объема продаж товаров длительного пользования. Подсчитано, что трудом иммигрантов было обеспечено более половины прироста испанского ВВП в период 2001–2005 годы.

Как же реализуются цели, поставленные Программой?

Цель конвергенции с ЕС, измеряемой динамикой показателей ВВП на душу населения, достигается вполне успешно: если в 1992 г. испанский показатель был

равен 79,1% среднего уровня ЕС в составе 12 стран, то в 2006 г. он составлял 98,4% среднего уровня ЕС-25, или 91,2% от среднего уровня 15 ведущих стран Сообщества.

Цель повышения уровня занятости трудоспособного населения также близка: уже в 2006 г. занятость населения в возрасте 15–64 лет достигла 64,8%, почти сравнявшись со средним уровнем ЕС-25, а во втором квартале 2008 г. испанский показатель предельно сблизился с уровнем, намеченным на 2010 г., достигнув 65,8% (притом, однако, что лиссабонская стратегия ЕС намечает на эту дату более высокий средний показатель для стран-членов — 70%). Таким образом, обе главные цели, поставленные в испанской Программе, можно считать реально осуществимыми, если экономике удастся сохранить динамизм предшествующего периода.

Однако в настоящее время она столкнулась с серьезным препятствием — развивающимся финансовым кризисом, начавшимся в США и постепенно захватывающим европейские страны. Этот кризис, с учетом связанных с ним рисков, ставит под вопрос как минимум среднесрочные перспективы развития всей мировой экономики, а для многих стран делает актуальным пересмотр приоритетов текущей экономической политики, заставляя делать выбор между поддержанием стабильности и наращиванием инновационных компонентов модели роста.

На экономике Испании кризис уже отразился более глубоко, чем на ведущих партнерах по ЕС. Ее ВВП вырос в первом квартале 2008 г. только на 0,3% — против 1,0% за тот же период 2007 г., тогда как у ЕС-15 спада темпов еще не произошло, и прирост оказался выше (0,7%). Прогнозы на ближайшее время предвещают Испании дальнейшее замедление производства. Бюджет, по-видимому, станет дефицитным. Ощутимо увеличится безработица: с 10,8% в 2008 г. до 13,5% в 2009 г. Инфляция выросла до 5% — больше, чем в других странах Еврозоны. Резко сократились и темпы инвестиций.

Особенно негативное влияние оказывает спад, наступивший в строительном секторе. Темпы роста этой отрасли упали со среднегодовых 8% за 1996–2006 гг. до 3% в 2007 г., а в текущем году, по-видимому, произойдет абсолютное сокращение производства. В Испании стоят пустыми, по различным данным, от 400 тыс. до 1 млн. квартир, и эту массу рынок будет «переваривать» еще 2–3 года. Рабочие руки, выброшенные из строительного бизнеса, не смогут быть в полной мере использованы другими секторами экономики.

В банковской сфере положение также ухудшается: растут процентные ставки, резко сокращается объем кредитования, появились трудности с получением международных кредитов. Финансовая система Еврозоны пока смягчает для своих членов удары американского финансового кризиса, однако его размах и продолжительность никто не берется прогнозировать. На «догоняющей» и пока еще структурно уязвимой экономике Испании он может сказаться болезненнее, чем на ее более сильных европейских партнерах.

Факторами устойчивости, согласно экспертным оценкам, считаются: общая эффективность и здоровое состояние финансовой системы страны, относительно слабая связь с американским рынком недвижимости и возросшая за последние годы способность привлекать инвестиции на потенциально прибыльный, многообещающий внутренний рынок.

The Spanish Party System at the beginning of the XXIth Century (An abstract)

J. Santamaria

Democracy was restored in Spain in 1977 after a Civil War (1936–1939) and forty years of dictatorship under Franco. By 1977 however the Spanish economy and society had undergone an important process of modernization but little was known about the political culture of the people and the attitudes of the political elites.

The main question was to guess to what extent the social and cultural changes would affect politics. Many observers anticipated in that contention that the Spanish party system would be very similar to the Italian one anchored around the Christian Democrats and the Communists.

The outcome of the inaugural election (1977) was quite different. There were four nationwide parties and a number of regional ones. The two main parties (UCD and PSOE) collected 65% of the vote. They represented the center to the right and center to the left and were flanked in their borders by two minor ones (PCE and AP)

Christian democrats did not obtain seats in Parliament and the Communist got a share (9%) more in tune with the score of the Swedish Communist Party that with the Italian Communist Party which had reached a top of 34% of the votes just one year before.

The paper tries to describe some of the most significant changes experienced by the Spanish party system in the last thirty years, to explore some of the factors that may have promoted them and to characterize its present traits and workings. Therefore the paper consists of three parts.

The first section deals with the origins of the Spanish party system as it emerged after the 1977 general elections as a moderate pluralist party system and the changes it has gone through since then on. It distinguishes three different phases. Full cooperation between Government and Opposition during the Constituent process (1977–1979) combined with a pattern of competition and cooperation. This period came to an end after the socialist landslide in the 1982 election.

The second phase (1983–1993) The socialist Party obtained 202 out of 350 seats. The UCD, the governing party was reduced to ashes. The Communist Party was crashed with only 4 deputies in Parliament. AP, a small rightist parties to then benefited from UCD's failure and became the second main party with 105 seats.

The electoral and parliamentary distances between the two main parties were abyssal and therefore there were no chance for alternation in power. The party system became what Sartori calls a predominant party system. Nevertheless AP behaved as a pragmatic conservative party following a pattern of competition and cooperation.

The third phase initiated after a new younger leadership took over the AP now under the name of Popular Party (PP) modernized the organization and moved to a reinforced ideological platform and a purely electoral strategy. It was able to capture the residual vote of the centrist parties in 1993 and forcefully reduced distances with the PSOE that was deprived of its absolute majority.

The structure and workings of the party system changed. It became an “imperfect” two party system with an open possibility for alternation. This seriously increased competitiveness between the two main parties. In fact, since 1993 the PSOE and the PP have alternated in Government with or without the support of minor parties.

The second part of the paper explores the factors that may explain these transformations and particularly the reduced fragmentation and growing polarization of the Spanish party system as well as the consequences for its functioning and development.

It discusses different interpretations about the reasons that put a definite end to the basic consensus and cooperation that emerged during the transitional period to democracy. It emphasizes both structural and strategic hypothesis and explores how they may affect Spanish political life in the next future.

The Multiplication of Spanish Political Parties

M. A. Ruiz de Azúa

At the first Spanish democratic elections in 1977, 83 lists of candidates were presented to the lower chamber of Spanish parliament. Lists of candidates but also coalitions of those political parties and associations of electors supported by signatures of electors from districts were registered in the Ministry of internal affairs.

At the end of 1977, 204 political parties were officially registered and 3.227 in July 2008. This surprising multiplication of political powers is the main purpose of this investigation/paper.

During the first year of our democracy, 108 parties were registered in the Ministry of Interior. This increase of political powers is the result of 40 years of secrecy and prohibition in the political parties' environment.

In this sense, 100 new political parties were created from the constitutional period till 1991. Around that time, 181 new political associations appeared and this augmentation of political powers coincided with the local elections celebrated in more than 8000 city councils in that year, where a great part of those parties presented their candidatures.

This investigation shows us that the periods of local elections multiply the creation of political parties registered in the Ministry of Interior. In this context it is important to underline that in Spain there are 50 provinces, with the 50 respective capitals and 8.000 towns which constitute the administrative organization of the country.

On the one hand, most of those parties have their headquarters in towns which are not provincial capitals, and they also have names linked to town as we can see for example with the "Calviá Andalucist party" (Partido Andalucista de Calviá). These facts demonstrate that a process of "municipalization" (municipality) of political parties is rising up with the call of local elections every 4 years. These parties respond to local interests, or are lobbying local political personalities, or they also are facades of lobbies with the main objective of reach representation in town halls for a better defense of their interests.

The figure you see below emphasizes how more than 60% of these new political parties, created during years of local elections (1987, 1991, 1995, 1999, 2003 and 2007) have their headquarters in provincial towns which are not their capital.

On the other hand, a very interesting aspect to underline is that Maritime Provinces are official headquarters of the biggest number of political powers as Pontevedra, Málaga, Cádiz, Gerona, Murcia, Alicante. And in these provinces it is where the percentage of local parties linked to elite people is the highest. Incidentally, it is in these municipalities where the most cases of urban corruption have risen up in the last years.

With this in mind, it seems appropriate to make a reference to the representatives of those local maritime parties which in many cases are needed to conform the majority of the local government. In this sense, they are playing a role of “hinge parties” having the key of appointing mayors proposing vote of censures and supporting opposition parties. This situation happened frequently, above all in absence of absolute majority which has allowed to local parties in several cases to play an influential role and also blackmail.

Having outlined the current environment of the power of local political parties, it is time to take a look to the Spanish electoral law. It gives a number of advantages to electoral lists of candidates such as free space for advertising purposes; places to celebrate political campaign meetings; free TV and Radio spaces for propaganda; special tariffs for postal propaganda and with this, the candidatures’ representatives can also obtain a copy of the electoral census (or electoral roll) with information about electors etc. In general, we can resume these advantages in a great source of information for some marketing enterprises.

And finally, some measures are suggested to reduce the number of candidatures presented to elections which sometimes don’t obtain representatives, turning in many cases to what is foreseen in some EU country legislation.

Finally, another question to take into consideration is the decision to reduce the number of candidatures regarding their failure in obtaining representatives. As a solution, some measures have been already implemented having in mind what is foreseen in the legislation of some European countries.

PARTIES REGISTERED IN THE MINISTRY OF INTERIOR EVERY YEAR

EG= GENERAL ELECTIONS EL= LOCAL ELECTIONS

PE= EUROPEAN PARLIAMENT ELECTIONS

Año	No. of new registered parties	EL	EG	PE	Located in the 50 capitals	Located in others towns	% located out of capitals
1976	12				11	1	
1977	108		EG		93	15	13,88
1978	26				21	5	19,23
1979	32	EL	EG		29	3	9,37
1980	26				19	7	26,92
1981	21				17	4	19,04
1982	61		EG		46	15	24,59

Мировая политика: взгляд из будущего

Año	No. of new registered parties	EL	EG	PE	Located in the 50 capitals	Located in others towns	% located out of capitals
1983	71	EL			48	24	33,33
1984	22				14	8	36,36
1985	32				19	13	40,62
1986	63		EG		45	19	29,68
1987	96	EL		PE	42	53	55,78
1988	22				15	7	31,81
1989	31		EG	PE	15	16	51,61
1990	63				29	34	53,96
1991	181	EL			48	133	73,48
1992	54				32	20	28,46
1993	67		EG		40	27	40,29
1994	109			PE	41	68	62,38
1995	227	EL			46	181	79,70
1996	41		EG		27	14	34,14
1997	67				38	29	43,28
1998	123				42	81	65,85
1999	291	EL		PE	66	224	76,97
2000	45		EG		22	23	ojo
2001	57				20	37	64,91
2002	146				26	120	82,19
2003	353	EL		ojo	49	304	86,1
2004	52		EG	PE	21	31	59,61
2005	67				14	53	79,10
2006	218				32	184	84,40
2007	426	EL			64	358	84,03
2008	31		EG		15	16	51,61

Особенности эволюции электорального поведения в Испании (1977–2004)

А. А. Куракина

Испания, представляя собой пример успешной реализации национального модернизационного проекта, не перестает привлекать к себе внимание политологов и социологов. Радикальные изменения политической жизни, произошедшие в стране в последнюю четверть XX в., выдвинули проблемы электоральных процессов в число наиболее актуальных. В рамках данной проблематики активно изучаются модели электорального поведения¹ в тесной увязке с влиянием СМИ на поведение избирателей.

С начала демократических преобразований в Испании сформировались определенные тенденции электорального поведения, которые с течением времени постепенно видоизменялись. В процессе демократизации обнаружилось различные типы электорального поведения.

Согласно мнению ряда испанских политологов, наиболее значимыми факторами, обусловившими предпочтения электората на выборах 1977 г., когда три четверти испанского населения впервые смогли прийти на избирательные участки, были отсутствие демократической политической культуры и высокая роль лидеров партий². Следствием этого стал аффективный тип электорального поведения, в основе которого лежит поддержка партии в зависимости от отношения избирателя к ее лидеру. Это привело к победе коалицию Союз демократического центра, возглавляемую А. Суаресом, одним из самых харизматичных лидеров переходного периода Испании.

По мере укрепления политических институтов, консолидации демократии и повышения политической грамотности населения повышалась значимость идеологического типа электорального поведения. Этому способствовало и отсутствие с 1982 г. на политическом ландшафте Испании значимой центристской партии, не-

¹ Электоральное поведение есть разновидность политического участия как действия по делегированию полномочий.

² Soto A. *Transición y cambio en España. 1975-1996*. Alianza Editorial, Madrid, 2005, p. 89.

смотря на то, что около 30% электората позиционировало себя сторонниками умеренных взглядов³.

С начала 1990-х гг. в среде испанских избирателей наблюдается тенденция к распространению стратегического типа голосования⁴, для которого характерно критическое отношение к идеям и деятельности правительства. Исследования в этой области показывают, что чем выше уровень социального оптимизма и адаптации избирателей, тем чаще они поддерживают проведение экономических реформ и выражают готовность голосовать за «партию власти»; чем больше прослойка неидеологизированного электората, тем уравновешенней и «здоровее» общество, т.к. чрезмерная апелляция к идеологии зачастую препятствует успешному управлению страной. Таким образом, переход к стратегическому типу голосования можно рассматривать как выход на качественно иной уровень электорального поведения.

Тем не менее, среди избирателей оставалась определенная прослойка, для которой был характерен традиционный тип электорального поведения. Его отличительной чертой является высокая степень зависимости выбора избирателя от сложившихся традиций голосования среди членов его семьи и близкого окружения. Такое положение сохранилось до настоящего времени.

Интересна и еще одна тенденция, подмеченная испанскими исследователями: сторонники левых убеждений чаще голосуют за правых, чем правые за левых⁵. Этому существует два возможных объяснения. С одной стороны, как отмечалось выше, сегодня при принятии избирателем решения, за кого отдать свой голос, на первом месте часто стоит оценка правительственного курса во время предыдущего электорального цикла, в то время как идеологический фактор играет второстепенную роль. Согласно социологическим опросам, среди тех, кто причислял себя к левой части политического спектра и не участвовал в выборах 2000 г.⁶, большая часть лучше оценивала деятельность Народной Партии (НП) в правительстве, чем Испанской Социалистической Рабочей Партии (ИСРП) в оппозиции. Однако при оценке двух лидеров этих партий, первенство они отдавали представителю социалистов⁷. С другой стороны, ослабление идеологического фактора при выработке избирателями решения может объясняться возникновением в политических дебатах общегосударственных проблем (коррупция, защита конституции, терроризм), которые выходят за рамки идеологических разногласий. Таким образом, отдельные

³ Montero J. R. Sobre las preferencias electorales en España: fragmentación y polarización (1977–1993). — Del Castillo P. (coord.) Comportamiento político y electoral. Madrid, 1998, p. 98.

⁴ Означает выбор партии, исходя не из идеологических предпочтений, а из расчета, какой из предложенных кандидатов способен обеспечить стабильность политического и экономического развития страны.

⁵ Этой точки зрения придерживаются, например, известные испанские политологи М. Хустель и А. Санчес-Сьерра в работе "El pacto PSOE-IU en la elecciones generales de 2000: estrategia electoral, proceso negociador y efectos". — "Working paper", 44 — 2005, UAM p. 3. Однако далеко не все специалисты по электоральному поведению с ними согласны.

⁶ Автору представляется некорректным в этом случае в качестве примера рассматривать выборы 2004 года, т.к. на их исход повлиял беспрецедентный теракт 11 марта на вокзале Аточа в Мадриде.

⁷ Barreiro B. La progresiva desmovilización de la izquierda en España: un análisis de la abstención en las elecciones generales de 1986 a 2000. — "Revista Española de Ciencia Política", No. 6, Abril 2002, p. 200.

избиратели, близкие по своим убеждениям к ИСРП, голосовали за НП, полагая, что консерваторы смогут найти оптимальное решение. Такой тип электорального поведения в Испании принято называть «голосование по проблемам», т.е. решающая роль принадлежит не идеологическому окрасу партии, а конкретным предложениям по наиболее болезненным для общества вопросам.

Что касается протестного типа электорального поведения, то на определенных этапах (выборы 1982, 1996, 2004 гг.) оно играло свою роль, но нельзя с уверенностью заключить, что эта роль была ключевой. Скорее, определяющим фактором в эти годы была необычно высокая явка избирателей⁸. Однако само присутствие в политической жизни такого типа электорального поведения говорит о том, что в критических ситуациях избиратели готовы «наказать» партию, находящуюся у власти⁹.

В дополнение к этому следует рассмотреть специфику электоральной географии. На выборах в общенациональные органы власти испанцы в своем большинстве предпочитают голосовать за партии национального масштаба (за исключением нескольких баскских и каталонских провинций). Тем не менее, местные партии традиционно усиливали свои позиции в отдельных автономных областях на выборах в региональные органы власти. Кроме того, существует определенная преемственность в электоральных предпочтениях избирателей. Так, до выборов 2004 г. НП, победив в одной провинции, сохраняла ее за собой на всех последующих выборах¹⁰.

В контексте изучения электорального поведения значимое место занимает проблема абсентеизма. Участие в выборах — один из основных элементов демократической системы. Согласно политической теории, высокий уровень участия является необходимым признаком ее эффективного функционирования и легитимности. С практической точки зрения, уровень участия населения в выборах является важным показателем популярности или непопулярности правительственных курсов и степени доверия к лидерам основных политических партий.

С момента восстановления демократии, уровень политического участия в Испании изменялся в зависимости от типа проводимых выборов, момента их проведения и географического фактора.

По мере накопления эмпирических данных, возрастало количество исследований феномена абсентеизма. Впервые об этой проблеме в Испании заговорили после выборов в региональные органы власти 1991 г., когда к избирательным участкам пришло 62,81%. Эта цифра даже на тот момент не была историческим минимумом¹¹, но именно она привлекла к себе особое внимание испанских аналитиков. В чем же

⁸ Подробнее этот фактор будет рассмотрен чуть ниже.

⁹ На выборах 2004 г. большой процент бюллетеней, отданных за кандидатуру Х. Л. Родригеса Сапатеро, были «голосами против Аснара», причем на это повлияли не только теракты 11 марта, но и стиль работы его последнего правительства. Подробнее см.: Sanz A., Sánchez-Sierra A. Las elecciones generales de 2004 en España: política exterior, estilo de gobierno y movilización. — "UAM. Working paper", 48-2005, Madrid, 2005.

¹⁰ В 1982 г. НП набрала большинство голосов только в семи избирательных округах (еще в двух первенство было у Баскской Националистической Партии (БНП), в одном у Конвергенции и Союза (КисС)), а в остальных избиратели отдали свои предпочтения ИСРП; в 2000 г. за социалистов проголосовало только 6 провинций (две за БНП, две за КисС).

¹¹ На региональных выборах 1979 г. и референдуме по вступлению Испании в НАТО явка составила лишь 62,63% и 59,42% соответственно.

причина такого поведения электората, и можно ли говорить о кризисе в данном контексте?

Изначально при объяснении данного феномена испанские исследователи¹² исходили из психологического и социологического подходов, характерных для западной политологии. Так, сторонники психологического направления связывали абсентеизм с совокупностью позиций по отношению к политической сфере — незаинтересованность, апатия, неприязнь. Сторонники социологического подхода объясняли абсентеизм различными структурными факторами — возраст, образование, место жительства, принадлежность к той или иной социальной группе или классу, уровень дохода, — которые определяют вероятность участия или неучастия индивида в выборах.

Применение этих теоретических моделей для трактовки данного явления в Испании породило ряд проблем. Во-первых, хотя структурные факторы в определенной степени влияли на явку избирателей на этапе становления партийной системы, с конца 1980-х годов они утратили свое значение. Во-вторых, социологический подход не может объяснить разницу в явке избирателей на выборах разных лет. В связи с этим испанскими политологами было проведено исследование¹³, согласно выводам которого на уровень явки избирателей воздействует целый ряд гетерогенных и не равных по степени своего влияния факторов. За исключением возраста¹⁴, такие индивидуальные характеристики, как уровень образования, трудовая занятость и т.д., незначительно влияют абсентеизм. Гораздо большую роль играли факторы иного рода, связанные с эволюцией экономической и политической ситуации в стране¹⁵.

Анализируя проблему абсентеизма, испанские исследователи отдают предпочтение политическим (степень самоидентификации избирателя с политическими институтами¹⁶, активность избирателей, их стратегические расчеты) и институциональным факторам (степень развитости форм политической самоорганизации, наличие диспропорции в системе пересчета голосов в депутатские мандаты, размер избирательного округа)¹⁷. Действительно, в провинциях с более развитой формой политической самоорганизации вероятность уклонения от участия в выборах в три раза ниже. Таким образом, наличие политических организаций позитивно сказывается на показателях явки населения на выборы. Увеличение конкуренции также

¹² Среди классиков в данной области можно выделить П. Кастильо, Б. Баррейро, Х. И. Верт, Х. Р. Монтеро, М. Хустель.

¹³ Boix C., Riba C. Las bases sociales y políticas de la abstención en las elecciones generales españolas: recursos individuales, movilización estratégica e instituciones electorales. REIS 90, pp. 95–128.

¹⁴ Среди молодежи вероятность неучастия в выборах в 4 раза выше, чем среди пожилых людей.

¹⁵ В периоды общей удовлетворенности политическим курсом правительства уровень абсентеизма равен приблизительно 30%, а в моменты, характеризуемые избирателями как критические, количество неучаствующих в выборах сокращается на 10%

¹⁶ Например, выборы в муниципальные или общенациональные органы власти, и выборы в Европарламент.

¹⁷ Такого рода исследования пока немногочисленны и неполны с научной точки зрения. Пока не до конца раскрыты такие вопросы, как зависимость степени мобилизации электората от стратегии кандидатов на выбираемую должность.

ведет к повышению явки. Наибольший эффект дает наличие диспропорции в системе перевода количества голосов, набранных той или иной партией, в депутатские мандаты. Анализ избирательной статистики показывает, что в небольших избирательных округах уровень абсентеизма почти в два раза выше, чем в таких округах как Мадрид или Барселона.

Данные по всем выборам, прошедшим в Испании с 1976 г., позволяют нам выделить три вида электоральной конъюнктуры: 1. — с необычно высокой явкой; 2. — с необычно низкой явкой; 3. — со средней явкой избирателей.

Так, в выборах в Генеральные Кортесы традиционно участвует большее количество избирателей. Однако во многих случаях (выборы 1977, 1982, 1993, 1996, 2004 и 2008 гг.) была характерна уникальная политическая ситуация: высокая явка была результатом поддержки гражданами не какой-то отдельно взятой партии, а поддержки демократического режима в целом (так называемые «системные голоса»). Из этого можно сделать вывод, что в составе испанского электората существует определенная прослойка, которая приходит к избирательным урнам только в критические моменты, когда решается вопрос о существовании, консолидации или регенерации всей демократической системы.

Подобного рода ситуации дают нам больше информации и о той части испанского электората, которая не приходит к избирательным участкам даже в моменты, когда решается вопрос о консолидации демократических институтов страны — так называемые «хронических абсентеисты», составляющие примерно 20% населения, имеющего право голоса. Этих избирателей исследователи разделяют на две группы. Подавляющее большинство (порядка 75%) — это люди, не сумевшие адаптироваться к новой ситуации. Как правило, они стоят в самом низу социальной лестницы или испытали на себе негативное воздействие социально-экономических изменений в обществе (как, например, возросшая безработица). Оставшиеся 25% можно назвать «мятежным электоратом», который рассматривает институциональную систему как барьер на пути к достижению идеальных целей. Для него характерны экстра- или антипарламентарный дискурс и идеология. В годы демократического транзита эту группу возглавляли крайне левые группировки, которые после 1982 г. по мере консолидации новой политической системы постепенно сошли с политической сцены.

Таким образом, хронические абсентеисты составляют ту часть электората, которая неучастием в выборах выражает свое неприятие демократической системы как таковой. Соответственно, максимально возможная явка избирателей составляет не более 80%.

Рассмотрим факторы, вызывающие увеличения абсентеизма. В ряде случаев, как, например, выборы в местные органы власти 3 апреля 1979 г., это выражение усталости от предвыборных кампаний и необходимости за короткий промежуток времени неоднократно приходиться на избирательные участки¹⁸. В других, как, например, референдум по вступлению Испании в НАТО и референдум по Европейской

¹⁸ Напомним, что это были уже третьи выборы за четыре месяца. Определенную роль в данном случае сыграло и то, каким образом СМИ освещают избирательные кампании. Согласно ряду опросов, зачастую именно СМИ порождают у избирателей чувство апатии по отношению к выборам.

конституции, это негативное отношение к предмету голосования¹⁹. Третьей причиной абсентеизма является чувство отдаленности электората от избираемых органов власти²⁰.

Когда в стране не происходит никаких знаковых событий, на общенациональных выборах уровень абсентеизма возрастает приблизительно на 10%. Кто же относится к этим 10%? Проанализируем данные опросов, проведенных Центром социологических исследований (ЦСИ).

Большую склонность к абсентеизму проявляют те, кто ставят себя вне идеологического спектра. Исторически Народная партия лучше мобилизует свой электорат, чем ИСРП. На выборах 2000 г. лишь 48% потенциального электората ИСРП отдали свои голоса за социалистов. В 2004 г. эта цифра выросла до 68%, тем не менее, она осталась ниже, чем среди сторонников НП — 80%²¹.

Такая разница в способности мобилизовать своих сторонников частично объясняется гетерогенностью левого электората. В него входят националисты, либералы, социалисты, социал-демократы. Таким образом, для победы на выборах ИСРП необходимо найти точку равновесия, чтобы привлечь максимальную часть своего электората.

Кроме того, несмотря на то, что в Испании больше избирателей, причисляющих себя к левой части идеологического спектра²², у них, во-первых, больше опций отдать свой голос (ИСРП, Объединенные Левые, ряд региональных партий), а, во-вторых, они чаще правых выбирают отказ от участия в выборах. Таким образом, победы ИСРП на общенациональных выборах зависят не только оттого, что происходит на противоположной части политического спектра, но и от того, насколько они смогут мобилизовать свой потенциальный электорат. Не случайно Ц. Молинас²³ в своих прогнозах относительно выборов 2008 г. отмечал, что ИСРП понадобятся два условия для победы: достаточно низкий процент голосов за ОЛ и достаточно высокая явка избирателей.

Осознавая зависимость исхода выборов от уровня явки, политические партии пытались манипулировать поведением электората через СМИ. Развитие информационных технологий и средств массовой коммуникации привело к тому, что СМИ

¹⁹ То есть те, кто обычно приходит к избирательным участкам, вместо того, чтобы проголосовать против выносимых на референдум вопросов (что, несомненно, сыграло бы негативную роль), решили воздержаться от участия. Референдум 1986 г. стал первым случаем раскола между эмоциональной и рациональной моделями политического поведения. Доказательством этого является тот факт, что на всеобщих выборах в Конгресс депутатов, проходивших три месяца спустя, явка составила порядка 70%.

²⁰ Традиционно интерес избирателей к выборам в Европарламент значительно ниже, причем эта тенденция характерна не только для Испании, но и для других стран Евросоюза. При этом интересно отметить, что в двух случаях (1987 и 1999 гг.) явка была на 10–15% выше обычного. Это объясняется тем, что выборы в Европейский парламент совпали по времени с выборами в местные органы власти.

²¹ Barreiro B. El centro decide las elecciones. — "El País", 06.12.2007.

²² В 2005 г. очередной барометр ЦСИ показал, что по 10-значной шкале, к позициям от 1 до 4 (левые, левый центр) относят себя 37,2% от всего населения, имеющего право голоса. К позициям от 7 до 10 (правые, правый центр) отнесли себя только 10,4% населения. При этом центр заняло 30,6%. Цит. по: Montero Romero R. Voto, ideología y centro político. Cuadernos de pensamiento político. Abril-Junio, 2007.

²³ Molinas C. El poder decisorio de la "izquierda volátil". — "El país", 11.11.07.

стали полноправным участником предвыборных кампаний. Являясь связующим звеном между партиями и обществом, они воздействуют на электоральное поведение и способствуют формированию общественного мнения относительно тех или иных вопросов политической жизни страны.

Особенно велика роль СМИ в переходные периоды, поскольку без их активной деятельности невозможно изменить политическое сознание и ценностные ориентации широких слоев населения и добиться массовой поддержки политики властей.

С целью обеспечения политического плюрализма и равенства возможностей доступа к СМИ в Испании существует ряд законов, которые регулируют взаимодействие политических объединений и средств массовой коммуникации в предвыборный период. В основном, правовое регулирование сводится к двум механизмам — запрет на политическую рекламу и предоставление бесплатного эфирного времени на государственных теле- и радиоканалах основным политическим партиям. В зависимости от результатов предыдущих выборов, каждой партии предоставляется бесплатное эфирное время на государственных каналах (от 10 до 45 минут). Если на первых предвыборных кампаниях партии использовали это время для перечисления своих предложений, сегодня видеоролики практически неотличимы от любой коммерческой рекламы.

Аудиовизуальные средства массовой информации считаются более действенными в психологическом плане. Сила изображения и звука, возможность более быстрого реагирования на происходящие события, проведения прямого эфира, а также более широкая аудитория несомненно выдвигает телевидение на первое место по значимости. Согласно опросу, проведенному после выборов 2000 г., 62% избирателей предпочитали получать политические новости по телевидению, 26% — по радио²⁴. Ежедневно печатную прессу читало 36,8% испанцев²⁵.

У каждого типа СМИ свой набор методик воздействия на общественное мнение. В печатной прессе это заголовки, лексика, используемая в статьях, расположение материала, размещение анонса статьи на первой полосе, использование фотографий, графиков, карикатур, частота, с которой поднимается та или иная тема, использование рубрики обратной связи с читателями. Помимо этого, формат печатных СМИ позволяет давать более подробный анализ предвыборной кампании. Все основные газеты в период предвыборных кампаний выходят со специальными приложениями, посвященными выборам. При этом в зависимости от ангажированности издания, журналисты представляют ту или иную политическую силу в более выгодном свете²⁶.

Обладая фактически монополией на информацию, СМИ имеют возможность выводить на первые полосы одни темы и умалчивать о других. Таким образом, они оказывают влияние как на электорат, так и на политические партии, заставляя по-

²⁴ GALLUP, estudio postelectoral 2000.

²⁵ Чит. по: Crespo I. Las campañas electorales y sus efectos en la decisión del voto. Valencia, 2004, p. 230.

²⁶ Например, в 2000 г. газета «Эль Паис» положительно рассматривала заключение пакта между ИСРП и ОЛ, полагая, что, объединив электорат обеих партий, у левых сил больше шансов на победу. Ла Бангвардия же ставила под вопрос жизнеспособность подобной коалиции. Помимо этого, большое внимание она уделяла разногласиям между лидерами этих сил.

литиков корректировать линию своих предвыборных кампаний. Накануне выборов 2000 г. первые полосы газет занимала неудобная для НП тема терроризма ЭТА. В то же время путем создания достаточного количества выгодных для себя информационных поводов консерваторам удалось отодвинуть на второй план тему внутрипартийных разногласий.

В последние годы в связи с развитием новых технологий, СМИ все больший упор делают на интересы избирателей. Выбрав определенный сегмент электората, журналисты освещают, каким образом та или иная партия выражает интересы именно этой группы. Это стимулирует партии постоянно корректировать свои программы в зависимости от изменения электоральной конъюнктуры.

Помимо этого, широко используется прием публикации результатов опросов общественного мнения, прогнозов итогов выборов и анализа последствий того или иного распределения мест в парламенте. Однако нередко злоупотребление этими инструментами оказывает негативное воздействие на электорат, порождая чувство усталости и апатии, что ведет к снижению политической активности общества.

Подобные настроения вызывает и «гонка за сенсациями». СМИ вынуждены играть по законам рынка, находясь в зависимости от рейтингов и продаж рекламного времени и пространства. Чем сенсационнее новость, тем выше к ней интерес, следовательно, растет уровень продаж и индекс цитирования, что ведет к увеличению интереса рекламодателей к изданию. В этом случае избиратель чувствует себя замешанным в политической игре, где на кону стоит не рост благосостояния населения, а полученные на выборах голоса.

Работа СМИ (особенно телевидения) способствовала некоторой «американизации» избирательного процесса Испании. Это выразилось в ряде тенденций, которые сегодня стали неотъемлемой частью политической жизни страны. Прежде всего, это персонификация политики, подмена партии ее лидером. Кандидаты все больше становятся лицом торговой марки, бренда, в роли которой выступает политическая партия. В работе, посвященной политической коммуникации, испанский исследователь Х. Л. Дадер подчеркивает, что партии «были обречены на выбор лидеров, обладающих личной привлекательностью и «медиагеничностью», без которых они не могли бы рассчитывать на победу на выборах»²⁷. Этим отчасти он объясняет длительное пребывание у власти ИСРП во главе с Ф. Гонсалесом (1982–1996). Особенно ярко эта тенденция проявила себя в ходе последних предвыборных кампаний, когда в основу логотипа и лозунга социалистов легли инициалы их лидера Х. Л. Родригеса Сапатеро²⁸.

Феномен персонификации политических институтов и чрезмерная зависимость избирательных кампаний от СМИ привели к изменению роли лидера. Сегодня к нему предъявляется иной набор требований. Он должен быть не только хорошим управленцем, обладать харизмой и способностью своими обращениями мобилизовать массы, но и обязан уметь общаться с прессой, заинтересовывать ее. В на-

²⁷ Dader J. L. Retórica mediática frente a cultura política autóctona: La encrucijada de la comunicación política electoral española entre la 'americanización' y el pluralismo democrático tradicional. CIC No. 4, 1999, p. 75

²⁸ Предвыборная кампания 2008 г. строилась вокруг лозунга "Con Z de Zapatero", а в 2004 г. на митингах и демонстрациях активно использовались плакаты "ZP" от Zapatero Presidente.

стоящее время хороший имидж в СМИ является основополагающим фактором для привлечения внимания и поддержки электората.

Телевидение способствовало тому, что предвыборные кампании становились все более конкурцией картинок, а не политических программ, лиц, а не идей. Конечно, причина этого феномена кроется не только в возросшей роли СМИ, но и в процессах, развивающихся в самих партиях, которые переживают кризис идеологий. Тем не менее, телевидение остается самым значимым источником политической информации для избирателей, и партии вынуждены подстраиваться под эти правила игры. Формулировки идей и программ должны быть краткими и четкими, чтобы не только умещаться в видеоряд новостей, но и выступать в качестве заголовков печатной прессы. Кроме того, политики вынуждены объяснять предвыборные предложения максимально простым языком. Не будет преувеличением сказать, что с приближением выборов политические лидеры начинают работать на заголовки газет следующего дня. Любое более-менее значимое событие используется как информационный повод. Фактически, целью партий является попадание в прямой эфир вечернего выпуска теленовостей и на первые полосы газет следующего дня. В этой ситуации избирателю крайне трудно разобраться, что является действительно важным событием, а что — искусственно созданным «хитом» в рамках предвыборной борьбы.

В современной Испании, в связи с сильной психологической зависимостью политиков от печатных СМИ и, в большей степени от телевидения, распространен прием, основанный на постоянной апелляции в политических дебатах к общественному мнению. Особенно широко он использовался Ф. Гонсалесом. При этом политик ссылался на результаты опросов общественного мнения, проводимых ЦСИ, значительная часть экспертов которого была набрана из его сторонников.

В погоне за информационными поводами и в стремлении показать свою партию более открытой новым веяниям в последние годы стало модным проводить первичные внутрипартийные выборы. В этом также прослеживается влияние американской политической системы. С одной стороны, подобные мероприятия действительно получают широкое освещение со стороны прессы и аудиовизуальных СМИ и способствуют распространению партийных идей и лозунгов. Но одновременно события могут развиваться не по заранее спланированному сценарию, и в этом случае такие «праймериз» срабатывают против партии. Подобная ситуация сложилась в 1998 г. в ИСРП, когда на первичных выборах, вопреки ожиданиям победил Х. Боррель, набрав 55% голосов. Это послужило началом внутреннего кризиса партии, что не могло не отразиться в СМИ, и, естественно, оказало негативное влияние на имидж социалистов.

Глобализация и новые технологии меняют формы общения не только между людьми, но и между государством и обществом, накладывая свой отпечаток на политические коммуникации.

Таким образом, можно заключить, что в последнее десятилетие для испанского электората более характерен рациональный подход к выборам. Абсентеизм в Испании является более политико-институциональным, чем психологическим или социальным феноменом. При этом, чем выше явка избирателей, тем лучше результаты социалистической партии на выборах, что объясняется низкой способностью левых сил мобилизовывать своих избирателей.

Библиография

1. Barreiro B. El centro decide las elecciones. — “El País”, 06.12.2007.
2. Barreiro B. La progresiva desmovilización de la izquierda en España: un análisis de la abstención en las elecciones generales de 1986 a 2000. — “Revista Española de Ciencia Política”, No. 6, Abril 2002, p. 200.
3. Boix C., Riba C. Las bases sociales y políticas de la abstención en las elecciones generales españolas: recursos individuales, movilización estratégica e instituciones electorales. REIS 90, pp. 95–128.
4. Crespo I. (dir.). Las campañas electorales y sus efectos en la decisión del voto. Vol. 2. La campaña electoral de 2000: partidos, medios de comunicación y electores. Valencia, 2002.
5. Dader J. L. Retórica mediática frente a cultura política autóctona: La encrucijada de la comunicación política electoral española entre la ‘americanización’ y el pluralismo democrático tradicional. CIC No. 4, 1999, p. 75.
6. Del Castillo P. (coord.) Comportamiento político y electoral. Madrid, 1998, p. 98.
7. Gunther R., Sani G., Shabad G. El sistema de partidos políticos en España: génesis y evolución. CIS, 1986.
8. Lledó Callejón P. La influencia de los debates electorales sobre la decisión de voto: el caso de mayo de 1993 en España. Revista española de Ciencia Política. Num.5, Octubre 2001, pp. 143–170.
9. López García G. Elecciones y marketing político: el video electoral del PSOE en la campaña de 1996. Aleza M., López A. (coords.), Homenaje al Rector de la University of Virginia, Valencia, Universidad de Valencia, 2000.
10. Molinas C. El poder decisorio de la “izquierda volátil”. — “El País”, 11.11.07.
11. Montero J. R. Los fracasos políticos y electorales de la derecha española: Alianza Popular, 1976–1986. Revista Española de Investigaciones Sociológicas, No. 39, p. 10.
12. Montero Romero R. Voto, ideología y centro político. Cuadernos de pensamiento político. Abril-Junio, 2007.
13. Ramírez. Así se ganaron las elecciones, 1977.
14. Sanz A., Sánchez-Sierra A. Las elecciones generales de 2004 en España: política exterior, estilo de gobierno y movilización. — “UAM. Working paper” 48 — 2005. Madrid, 2005.
15. Soto A. Transición y cambio en España. 1975–1996. Alianza Editorial, Madrid, 2005.
16. Tezanos J. F. Sociología del socialismo español, Madrid, Tecnos, 1993.
17. Wert J. I. La campaña electoral de octubre de 1982: el camino del cambio. Revista Española de investigaciones sociológicas, 1984, No. 28, c. 77.
18. “El pacto PSOE-IU en las elecciones generales de 2000: estrategia electoral, proceso negociador y efectos”. — “UAM. Working paper” 44 — 2005.
19. GALLUP, estudio postelectoral 2000.

Иммигранты: социально-психологические аспекты адаптации

Хенкин С. М.

В начале XXI в. население Испании заметно усложняется в этническом и религиозном отношении. Во многом это связано с массовым притоком иммигрантов из различных стран и регионов мира. Проблема сосуществования коренного населения с переселенцами становится первостепенной для жизнедеятельности, прочности и устойчивости испанского социума. Особенно остро обстоит дело с адаптацией мусульман, большинство которых составляют марокканцы (в 2006 г. их насчитывалось 506 тыс. человек и они были самой многочисленной группой иммигрантов в Испании). Проблема сосуществования испанцев с мусульманами вызывает острые дискуссии, в ходе которых высказываются диаметрально противоположные точки зрения — от пропаганды мультикультурализма и формирования новой идентичности до призывов к изгнанию чужестранцев и утверждений о неизбежном конфликте цивилизаций.

Главная проблема, с которой сталкиваются марокканцы в Испании, — проблема культурно-религиозного плана. Придерживающиеся заповедей Корана, мусульмане приезжают в общество, далеко продвинувшееся в плане секуляризации и превращения религии в частное дело каждого гражданина, приватизации религии. Развитие в испанском обществе религиозного плюрализма, дающее исламу возможность для утверждения его самобытности, тем не менее, вызывает у многих мусульман чувство замешательства и разочарования. Секуляризованное общество кажется странным и непонятным приверженцам ислама, суть которого в слиянии религии, государства и общества. Ислам — эта всеохватывающая нерасчлененная религия — включает не только заповеди, но и нормы поведения, регулирующие образ жизни мусульман во всех его проявлениях. Между тем в Испании исполнение этих норм и заповедей вступает в противоречие с повседневной жизнью коренного населения. Необходимость постоянно находиться на рабочем месте мешает совершению пяти обязательных в течение дня молитв; ограничения в еде (запрет на свинину и спиртные напитки) препятствует участию в обычных для коренного населения формах досуга; трудовой график не позволяет соблюсти пост во время рамадана

(религиозный мусульманский праздник). Мусульманам, основа бытия которых — патримониальная семья, где доминирует воля отца, непонятен мир, где существует равенство полов, женщинам гарантировано место в публичной сфере, и они могут занимать руководящие посты. Им непонятно отсутствие должного уважения друг к другу в семейных отношениях испанских мужчин и женщин: в Марокко «защита со стороны мужчины, забота и верность со стороны женщины лежат в основе взаимного уважения»²⁹.

Нормы и образ жизни секуляризованного испанского общества вызывают не только непонимание, но зачастую и отторжение у носителей исламских традиций. Мусульмане резко критикуют гонку за материальными благами в «секуляризованной и обмирщенной Испании», «духовное падение» общества потребления, расшатывание структуры семьи, отсутствие уважения к старшим.

По мнению испанского исследователя В. Переса-Диаса, «возможно, в глубине души мусульмане ощущают чувство превосходства, считая свою религию единственно истинной... что автоматически превращает их в «верных», стоящих над «неверными». В современном испанском социуме ...у них нет ощущения принадлежности к истинному человеческому сообществу»³⁰. Для мусульман, перебравшихся в Испанию, характерно также специфическое мироощущение, отличающее их от мусульман, живущих в других странах Европы. «Они живут здесь с сознанием, что вернулись на историческую родину (Аль-Андалус — так именовалась по-арабски в VIII–XV вв. мусульманская часть Пиренейского полуострова), и у испанцев перед ними большой исторический долг»³¹.

Критическое отношение к испанским реалиям особенно распространено среди мужчин. Марокканки же в большей степени удовлетворены новым местом жительства, считают, что в Испании «они на месте». Возможно, это объясняется тем, что у женщин меньше проблем с поисками работы и при соприкосновении с испанской социокультурной средой. Работая домашней прислугой, встречая детей в колледжах, присутствуя на родительских собраниях, они как бы «изнутри» узнают реалии западного общества. К тому же в силу большей толерантности, присущей женщинам вообще, они не воспринимают так болезненно, как мужчины, отношение к ним коренных жителей.

Влияние новой социокультурной среды не обходит стороной и перебравшихся в Испанию марокканцев. Так, для мужчины, привыкшего быть защитником и хранителем семейного очага, согласиться с тем, что его жена работает вне дома — серьезная психологическая ломка, переосмысление традиционных представлений о распределении ролей в семье. Не следует забывать, что в ортодоксальной мусульманской среде мужчина, неспособный обеспечить свою семью, рассматривается как неудачник.

Но, воспринимая некоторые западные ценности, мусульмане остаются в целом приверженцами многих традиционных норм поведения. Так, они высказываются

²⁹ Goicoechea R. *Inmigracion en España: vidas y experiencias*. Madrid, 1996, p. 46.

³⁰ Perez Dias V., Alvarez-Miranda B., Chalia E. *La inmigracion musulmana en Europa. Turcos en Alemania, argelinos en Francia y marroquis en España*. Madrid, 2004, p. 291.

³¹ Lacomba J. *La inmigracion musulmana en España. Insercion y dinamicas comunitarias en el espacio local*. *Migraciones* (Madrid), 2005, No. 18, p. 52.

против внебрачных связей, аборт. Большинство мусульманок, в том числе молодых, не отказываются от ношения платков. Хиджаб для них — это проявление принадлежности к исламу, обозначение барьера, отделяющего мусульманок от «неверных женщин».

Одним из наиболее эффективных средств интеграции марокканцев в испанское общество могли бы стать смешанные браки. Однако культурная традиция марокканцев, выражающаяся в тяге к эндогамии, препятствует их заключению. Для марокканца жениться на испанке означает разорвать семейные, религиозные и культурные связи. Для марокканки выйти замуж за испанца означает нарушить установленные исламской традицией права мужчины или брата определять ее будущего мужа. Кроме того, в этом случае дети марокканки не будут признаны законными членами ее патрилинейной семьи. Показательно, что сторонниками эндогамии являются и молодые марокканцы, социализация которых, по крайней мере, частично, прошла в Испании.

Ориентация на браки только с мусульманами, верность патрилинейной семье очерчивают пределы сдвигов в менталитете многих иммигрантов из Марокко. По существу, в их практических действиях переплетаются элементы традиционализма с адаптацией к некоторым западным культурным нормам (у женщин это работа вне дома, ориентация на равенство полов в повседневной жизни, следование за испанками в одежде и макияже).

Примечательно, что довольные далеко не во всем испанскими реалиями, многие иммигранты предпочитают не возвращаться на родину. Их отношение к Испании амбивалентно. Критикуя многие стороны здешней жизни, они в то же время признают, что в этой стране «больше экономических возможностей». Существует и еще один сдерживающий фактор: опасения переселенцев, что не разбогатеи и вернувшись домой ни с чем, они станут объектом насмешек.

Испытывая влияние двух социокультурных общностей и находясь как бы между ними, переселенцы живут, потребляют, вкладывают деньги и строят планы на будущее в Испании. И вместе с тем они хотят остаться марокканцами и мусульманами: с интересом следят за тем, что происходит на их родине, проводят там летние отпуска, смотрят марокканские кинофильмы и слушают музыку, переводят часть сбережений своим родственникам и помогают им перебраться в Испанию. Они хотят, чтобы их дети, получив хорошее образование в испанских учебных заведениях, остались вместе с тем «примерными мусульманами» в своих привычках (независимо от того, будут они практикующими мусульманами или нет).

Отношения между представителями первого и второго поколений мусульман не обходятся без конфликтов, которые разрешаются разными способами. Один из наиболее распространенных — сокрытие от родителей изменившегося восприятия действительности и новых манер поведения. К примеру, в присутствии отца, провожающего ее в школу, девушка идет в хиджабе. Но когда отец уходит, снимает его. Некоторые отцы, рассерженные поведением дочерей, отправляют их обратно в Марокко, чтобы «испытали голод и нищету». Юноши, имея собственное мнение, также подчиняются отцу.

Второе поколение иммигрантов находится «на перекрестке» разнообразных влияний: семейного воспитания, образования в испанской школе, общения с ис-

панскими сверстниками, средств массовой информации. Дети иммигрантов в большей степени, чем их родители, готовы к культурному сосуществованию с коренным населением, адаптации в испанском социуме. Предпочтения молодых марокканцев в выборе журналов, телепрограмм, кинофильмов похожи на приоритеты их испанских сверстников. Среди них также укоренены гражданские браки, у них совпадают представления о том, сколько детей должно быть в семье, о роли мужчины и женщины (хотя в этом отношении юноши консервативнее девушек).

Вместе с тем, хотя молодые марокканцы высказываются против беспрекословного подчинения отцовской власти, уважение к родителям остается для них незыблемой ценностью. 46% молодых переселенцев любят марокканскую музыку, а для 56% любимое блюдо — марокканское. Они не отказываются от исламской веры, но отмечают католическое рождество, учитывая значение этого праздника.

46% опрошенных молодых мусульман идентифицируют себя со страной своих отцов, 27,4 % — с Марокко и Испанией, 12,5% — с Марокко и Мадридом и лишь соответственно по 0,8 % — соответственно с Испанией и Мадридом. Но эти цифры вовсе не свидетельствуют об их неприязни к Испании. Отвечая на вопрос, где они хотели бы жить, когда им исполнится 30 лет, менее 10% юношей заявили, что хотели бы вернуться на землю предков³².

Таким образом, как показывает анализ, для многих мусульман, особенно второго поколения, характерна своего рода «разорванность» сознания. Это состояние передает фраза одной иммигрантки: «Я уважаю традиции, но знаю и другие вещи»³³.

Разумеется, «встраивание» переселенцев в испанский социум определяется не только их волей. В огромной степени успех адаптации определяется настроениями и чаяниями принимающей стороны. Между тем симпатии и антипатии испанцев по отношению к иммигрантам распределяются по-разному. Наименьшими симпатиями пользуются марокканцы. Немалая часть испанцев относится к исламу как к агрессивной религии, отождествляя мусульман с экстремистами. В коллективной исторической памяти коренного населения сохраняется стереотип, существующий со времен Реконкисты, о негативной роли ислама. На восприятие марокканцев влияют также веками сложно развивавшиеся и часто обострившиеся отношения Испании с соседней страной.

В последние годы раздражающим фактором в отношении коренного населения к арабам-мусульманам стала проблема мечетей. В испанской печати не раз сообщалось о выступлениях протеста против их строительства, которые инициировали испанцы, живущие поблизости. Нередко для мечетей отводятся низшие этажи или гаражи, что унижает религиозные чувства мусульман. Позиция части местных жителей во многом объясняется тем, что некоторые мечети, как установлено испанскими правоохранительными органами, становятся прибежищем террористов, из них звучат призывы к борьбе с «неверными». Местных жителей беспокоит то, что в силу нерасчлененности в исламе религии и политики имамы становятся политическим лидерами и потенциально способны к экстремистским заявлениям.

³² См.: Aparicio R., Van Ham C., Fernandezm Tornos A. Marroquies en España. Madrid, 2005, p. 52.

³³ Goicoechea R. Op.cit., p. 97.

Все больше коренных жителей отождествляют интеграцию марокканцев в испанское общество с их ассимиляцией. Испанские социологи описывают смысл крепнущего среди коренных жителей мироощущения следующим образом: «Интегрироваться значит стать такими, как мы. И если они к этому не приходят, значит, этого не хотят. Они приехали в нашу страну и находятся здесь в меньшинстве. И поэтому они должны прилагать усилия, чтобы интегрироваться»³⁴.

В Испании растут настроения ксенофобии и расизма, подчас сопровождающиеся физической агрессией. Террористические акты в Мадриде 11 марта 2004 г., в ходе которых выявился «магрибский след», только усилили антипатию к марокканцам. В июне 2004 г., через три месяца после терактов, ислам оценивался как «худшая из религий, религия насилия». Число испанцев, высказавшихся за депортацию марокканцев из страны, возросло втрое по сравнению с 1996 г.

Не следует, однако, забывать, что отношение к иммигрантам в Испании отнюдь не исчерпывается отторжением. Здесь исторически сильна традиция уважительного и дружелюбного восприятия коренным населением представителей других национальностей, вероисповеданий, рас, которой благоприятствовал сам многонациональный характер испанского государства.

Немало испанских ученых и публицистов активно полемизируют со сторонниками идеи «мусульманского нашествия» на Испанию. По их мнению, ислам способен трансформироваться, и с его приверженцами вполне возможен конструктивный диалог. «Видеть в исламе то, что было установлено 14 столетий назад и не считаться с тем, что в большинстве современных мусульманских стран гражданская и религиозная сферы разделены, хотя это и не признается, и созданы правовые системы по европейским образцам, свободные от исламского права, значит цепляться за абстрактное, далекое от реальности понимание этой религии», — отмечает испанский политолог Б. Лопес Гарсия³⁵.

В последние десятилетия тысячи коренных испанцев обратились в ислам. В противовес антимавританской интерпретации испанской истории они указывают на большой позитивный вклад мусульман в развитие средневековой Испании в самых разных областях. В их среде обсуждаются проблемы компенсации потомкам мусульман, изгнанных когда-то из Испании.

Для значительной части испанского общества проявления расизма неприемлемы. Показательно, что в отличие ряда стран Западной Европы здесь не сформировалась влиятельная праворадикальная националистическая партия и нет соответствующего лидера харизматического типа.

Вместе с тем, опросы общественного мнения свидетельствуют, что соотношение между людьми, толерантными по отношению к иммигрантам, и отторгающими их, неуклонно меняется в сторону увеличения числа последних. Если еще в конце 90-х годов Испания опережала по степени толерантности страны как старой (Германия, Франция, Бельгия, Голландия, Великобритания), так и недавней (Италия, Португалия, Греция) иммиграции, то теперь она приблизилась к средневропейским показателям.

³⁴ Cea D'Ancona M. La activacion de la xenofobia en España. Que miden las encuestas? Madrid, 2004, p. 76.

³⁵ Lopez García B. El islam y la integracion social. Cuadernos de trabajo social (Madrid), 2002.V.15, p. 141.

В мировой практике выделяются четыре основные модели во взаимоотношениях иммигрантов с коренным населением.

Интеграция — полноправное участие переселенца в жизни принимающей страны при сохранении своих культурных традиций.

Ассимиляция — принятие иммигрантом новых обычаев и традиций и разрыв со старыми.

Отчуждение — отторжение переселенца коренным населением и ограничение его контактов соотечественниками.

Маргинализация — отторжение иммигранта коренным населением и разрыв социальных связей со своей средой.

С этой точки зрения трудно говорить об интеграции большинства марокканцев в испанское общество. Последняя невозможна без правовой защищенности, трудовой стабильности и достойного жилья. Нет веских оснований и для утверждений, что среди мусульманских иммигрантов широко распространена маргинализация. Преобладающей моделью, вероятно, следует признать сочетание ориентации на ассимиляцию чужестранцев с отторжением их значительной частью населения. Испанский случай напоминает одновременно модель ассимиляции, существующую во Франции (когда от иммигранта требуют полного отказа от своей культуры и принятия местной) и немецкую модель (до недавнего времени строившуюся не на гражданской, а на этнической основе, которая характеризовалась отторжением переселенцев)³⁶. Примечательно, что ни во Франции, ни в Германии, имеющих значительно более богатый опыт привлечения иммигрантов, проблема их интеграции не решается.

Испанская модель взаимоотношений переселенцев с коренным населением находится лишь в процессе становления. Нельзя исключить, что в ходе дальнейшего развития она будет корректироваться и приобретет иные очертания. Мусульмане, — а их, по прогнозам, к 2025 г. будет более одного миллиона (то есть вдвое, а то и втрое больше, чем сейчас), — так или иначе меняются в испанском социуме и сами в определенной степени меняют его. Как будет развиваться этот процесс дальше — одна из главных проблем социально-политического развития Испании в XXI веке.

³⁶ Perez Dias V., Alvarez-Miranda B., Chalia E. Op.cit., p. 304.

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ «ГАСТАРБАЙТЕРЫ» НА СВОЕЙ «ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ»

Кожановский А. Н.

Массовая трудовая иммиграция последних десятилетий как принципиально новый феномен испанской внутренней жизни, оказывающий огромное влияние на многие аспекты этой жизни и на глазах преобразующий социально-культурный облик населения страны, уже стала объектом внимания отечественных исследователей и наблюдателей³⁷. Случай с Испанией тем более интересен, что до этого на протяжении длительного времени в силу ряда присущих стране особенностей (среди которых — хроническая экономическая отсталость, бедность широких слоёв населения, избыток местных трудовых ресурсов и безработица, политико-административная закрытость и т.п.) приезд сюда на заработки сколько-нибудь значительного количества граждан других стран был совершенно непредставим, — напротив, это сами испанцы, не находя себе достойного места на родине, во множестве отправлялись «за счастьем» в иные земли — надолго, а чаще навсегда.

Глубокие и всесторонние трансформации, через которые Испания прошла в конце XX века и в результате которых она превратилась в органическую часть благополучного «западного мира», в короткий срок сделали её привлекательной для зарубежных «гастарбайтеров», — подобно тому, как нынешнее относительное

³⁷ См., напр.: Кожановский А. Н. «Свои» и «чужие» в Испании: некоторые особенности иммиграции // Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., ИЭА РАН, 2006; Синельщикова И. Г. Латиноамериканцы в Испании. Новое переселение народов // ЛА, 2007, № 10; Хенкин С. М. Мусульмане в Испании: проблемы адаптации. МэиМО, 2008, № 3.

Работа выполнена в рамках темы «Эволюция культурного облика Европы под воздействием миграционных процессов и модернизации общества» (Программа Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»)

(в сравнении с некоторыми республиками бывш. СССР) благополучие России стало стимулом для приезда сюда миллионов граждан тех стран, где экономика переживает не лучшие времена. И вновь, как и 1,5–2 десятилетия назад, во времена нашей «перестройки» и первых лет существования самостоятельной Российской Федерации, мы обращаемся к опыту Испании, которая, как представляется, несколько раньше нас пережила нечто подобное тому, с чем теперь столкнулись мы сами.

Проблемы, порождённые массовой иммиграцией, многочисленны и многообразны, и среди них наиболее, может быть, острые и болезненные — те, что порождены контактами и вынужденным сосуществованием местных жителей с буквально на глазах возникшей в привычной им среде обитания общиной чужеродных пришельцев, людей иного вида, иной культуры, иного образа жизни, иных привычек... А в испанском случае постепенного накопления опыта общения с ними, как это было в некоторых других европейских государствах, где население уже успело привыкнуть к приезжающим на заработки и оседающим повсюду иностранцам (среди которых, кстати, немалую часть ещё недавно составляли всё те же испанцы), — увы, не было. Не приходится удивляться, что в таких условиях всеобщее внимание сосредоточилось прежде всего на взаимоотношениях «туземцев», т.е. коренных испанцев, с теми группами приезжих, присутствие которых на испанской земле, в силу опять же традиций многовекового развития страны, имело особенно экзотический, если не сказать скандальный, оттенок. Речь, конечно же, идёт о мусульманах, в особенности мусульманах североафриканского происхождения — тех самых исторических «маврах»; их нынешний приток в Испанию, кстати, долгое время оставался наиболее многочисленным в сравнении с другими «национальными отрядами» «гастарбайтеров», устремившихся в страну. Что же касается латиноамериканцев, то их здесь поначалу было сравнительно немного и в них, судя по всему, не видели большой проблемы. Наиболее заметная часть их была представлена, как об этом неоднократно упоминается, политическими эмигрантами, бежавшими от преследований у себя на родине; к тому же, осев в Испании, многие из них продолжали сохранять внутреннюю связь с отчиной и в конце концов, когда опасность миновала, туда вернулись.

Развитие самой Испании в период с конца 1970-х гг. по конец 1980-х представляло собой своего рода «накопление качества», которое и позволило в итоге достичь довольно высокого уровня благосостояния, — но до того, как это произошло, местный рынок труда в целом ещё не был готов к массовому приёму «гастарбайтеров». Однако и Латинская Америка стала источником «трудовых миграционных волн» в направлении Испании лишь с определённого момента, точнее — в 1990-е гг., после того как в силу неблагоприятных социально-экономических обстоятельств (многие эксперты связывают их прежде всего с последствиями так наз. «неолиберальных» реформ в различных странах континента) в общественном сознании широких слоёв ибероамериканского населения стала распространяться установка на эмиграцию как на вполне приемлемый, а иногда и единственный способ обеспечения материального существования. Направление этого движения было существенно скорректировано, когда географически более близкие Соединённые Штаты Америки принялись обставлять въезд мигрантов в свои пределы всевозможными препятствиями, что заставило значительную часть искателей счастья из Латинской Америки переориентироваться на Европу, и в том числе — на Испанию. Иными

словами, два ключевых в данном контексте обстоятельства — испанский спрос и латиноамериканское предложение — сошлись во времени, и тогда небольшая первоначально латиноамериканская община «трудовых мигрантов» в Испании стала увеличиваться поистине беспрецедентными темпами. Так, если в 1996 г. в Испании находилось 2,9 тыс. эквадорцев, то в 2001 г. — более 139 тыс., а в 2008 г. — уже св. 430 тыс.; численность выходцев из Колумбии составила здесь в те же годы соответственно 7,8 тыс. чел., 87,2 тыс. чел. и 280,7 тыс. чел.; общее же количество латиноамериканцев, находящихся в Испании на законном основании (т.е. не считая многочисленных «нелегалов»), увеличилось в течение 1998–2006 гг. в 9 раз и достигло 1064,9 тыс. чел.³⁸, а всего два года спустя численность ибероамериканской общины на испанской земле приблизилась к двум миллионам...

Судя по опубликованным (в том числе и в нашей литературе) данным, по своим социальным, демографическим, профессиональным, гендерным и пр. «техническим» параметрам латиноамериканская иммигрантская община, конечно же, отличается — иногда довольно существенно — от совокупностей «гастарбайтеров» из других частей света (африканцев, восточноевропейцев, азиатов), но эти отличия, на наш взгляд, носят скорее количественный, нежели радикально качественный характер (так, женщин среди них с самого начала было больше, нежели мужчин; подавляющее большинство их в Испании сконцентрировано в сфере обслуживания; их образовательный уровень в целом довольно высок, и т.д.). Зато у ибероамериканцев в сравнении со всеми этими группами есть одна — но зато не просто важная, а поистине сущностная особенность: они принадлежат к ареалу испанского языка (кроме португалоязычных бразильцев), имеют общие, близкие или уходящие в века, культурно-генетические корни с нынешними обитателями Пиренейского п-ова, наконец, их нынешняя родина когда-то входила в единую обширную империю со столицей в Мадриде... Словом, они представляют собой органическую часть «испанского мира», в котором Испания почтительно воспринимается как «*patria-madre*» — «родина-мать» (невзирая на то, что отношения «центра» и «окраин» этого мира на протяжении столетий складывались, мягко говоря, очень непросто). С другой, т.е. собственно испанской, стороны также традиционно отмечается особое, предпочтительное, отношение к своим бывшим колониям на Американском континенте — опять же идущее от ощущения исторической и культурно-языковой близости и ещё, пожалуй, своего рода исторической ответственности за бывших сограждан. В последние десятилетия всегда, в общем-то, присутствовавший интерес Испании к укреплению связей с её «латиноамериканскими братьями», к поддержанию и усилению своего влияния в странах испаноязычного мира получил мощное подкрепление в связи с качественным увеличением её финансово-экономического потенциала и укреплением позиций на международной арене. Испания целенаправленно реализовала обретённые ею возможности, став крупнейшим европейским инвестором в страны Латинской Америки и лидером по оказанию помощи в их развитии. «Латиноамериканская» политика Евросоюза, по мнению экспертов, также во многом определяется именно активной и заинтересованной позицией Испании.

³⁸ Gratius S. El factor hispano: los efectos de la inmigracion latinoamericana a EEUU y Espana // DT, N49, 18.11.2005 (www.realinstitutoelcano.org); Синельщикова И.Г. Указ. соч. С. 96.

Отношение испанского общества к ибероамериканцам, насколько можно судить по самым разным источникам, в целом было и остаётся позитивным. Исходно, т.е. до начала массовой миграции из-за Атлантического океана, оно во многом определялось всё теми же всем известными обстоятельствами и соображениями (общие исторические корни, вековые связи, язык, культура и т.д.); после того, как нескончаемый поток иноземных «гастарбайтеров» захлестнул страну, испанцы получили возможность реально оценивать и сравнивать характеристики выходцев из разных уголков мира, людей, которые становятся всё более заметной частью культурно-демографического ландшафта их родины, — и в этой ситуации местные жители по-прежнему называют в ряду наиболее приемлемых для себя иностранцев уроженцев Латинской Америки, опережающих по этому показателю и африканцев, и азиатов, и восточноевропейцев, и даже соседей-португальцев³⁹. Более того, среди тех политиков и общественных деятелей, кто видит в массовой многоязычной и многокультурной иммиграции опасность размывания и «затопления» свойств и даже самих основ истинно испанской жизни, раздаются голоса в пользу того, чтобы ограничить приток «гастарбайтеров» его латиноамериканской составляющей, которая, как представляется, усилит «испанский элемент»⁴⁰. В общем, как вне Испании, так и в ней самой было и остаётся широко распространённым мнение, согласно которому интеграция выходцев из Латинской Америки в автохтонное общество не может порождать сколько-нибудь серьёзных проблем и тем более конфликтов, поскольку происходит в родственной или даже однородной им среде, где им суждено рано или поздно «раствориться» (т.е. естественным образом ассимилироваться)...

Уже сейчас очевидно, однако, что реальное положение дел — значительно сложнее. Зафиксировано довольно много сообщений «с мест», говорящих о том, что в разных уголках страны и в разных областях общественной жизни первоначальные установки, основанные на представлении об «органическом культурно-языковом единстве» местных жителей и ибероамериканских «гастарбайтеров», обнаруживают свою несостоятельность и даже порою вредят делу и межличностным/межобщинным отношениям. Разочарованные или возмущённые голоса звучат и из «сельской глубинки», где южноамериканские наёмные рабочие своим трудом обеспечивают прибыльность местного земледельческого производства, но пропасть отчуждения между ними и «коренными» селянами не исчезает, а становится всё шире⁴¹; и с улиц больших городов, «оккупированных» группировками («бандами») латиноамериканской молодёжи, раздражающей тамошних исконных обитателей своим видом и поведением⁴²; и из испанских школ, которые оказались не готовы к появлению в классах множества латиноамериканских детей, поскольку эти дети, как выясни-

³⁹ Retis, J. Tendencias en la representación de los inmigrantes latinoamericanos en la prensa nacional española. Colombianos, ecuatorianos y argentinos: iguales o diferentes? (www.portacomunicacion.com/dialeg/paper)

⁴⁰ См., напр.: El País. 9.02.2008 (www.elpais.com)

⁴¹ Rodríguez Regueira J.L. Hacia una lectura nomada, o de corporeidad informativa // *Gazeta de Antropología*. N 19 (2003) (<http://www.ugr.es/~pwlac/G24>)

⁴² Soriano Gotica J.P. Adaptación social de los pandillas juveniles latinoamericanas en España // *Rev. Cidob d'Afers Internacionals*, N 81, marzo/abril 2008

лось, по многим параметрам очень сильно отличаются от их испанских сверстников, и это зачастую ощутимо вредит самому учебному процессу⁴³...

Конечно, на нынешние взаимоотношения двух общин — местной испанской и пришлой латиноамериканской — сильно влияет их социальный контекст, ибо то изначально зависимое и неравноправное положение, в котором в силу обстоятельств оказалось здесь подавляющее большинство «трудовых мигрантов» из Латинской Америки, способствует, скорее, отчуждению «гостей» от «хозяев». К тому же на новом месте приезжих воспринимают в соответствии с их сегодняшним статусом — а он, как правило, значительно ниже того, какой они имели у себя на родине, и это «социальное падение» ощущается многими из них чрезвычайно болезненно⁴⁴.

Справедливости ради нужно сказать, что и позиция ибероамериканских иммигрантов в Испании далеко не всегда выглядит как однозначная готовность к скорейшей ассимиляции. Так, имеются вполне убедительные данные о том, что в самом выборе Испании в качестве страны для эмиграции для уроженцев Латинской Америки «культурно-языковые», «исторические» и пр. такого рода соображения играют второстепенную роль, а главную — сугубо прагматические, «материальные» (спрос на рабочую силу, условия въезда и пребывания, размер оплаты труда и т.д.)⁴⁵. Далее, в среде уже проживающих в стране «гастарбайтеров» ибероамериканского происхождения отмечено существование своего рода особой инфраструктуры, обслуживающей их потребительские нужды (магазины, рынки, рестораны, бары и пр.), а также всякого рода ассоциаций (общественных, культурных, спортивных и т.д.); всё это, по сути, уже на новом месте воспроизводит и поддерживает связи и специфику оставленной за океаном родины иммигрантов, их собственный, отличный от испанского, «культурный код»⁴⁶.

Но наиболее интересной в этой совокупности разнонаправленных тенденций нам представляется та, что порождена упомянутым выше курсом на «европейскую интеграцию», твёрдо взятым испанским государством и испанским обществом в последние десятилетия. С одной стороны, он (курс) способствовал резкому увеличению финансово-экономического потенциала Испании, результатом чего стало, среди прочего, усиление её позиций в рамках того «испанского мира», центром которого она традиционно является и который охватывает обширные территории и совокупности населения в разных частях света. Но с другой стороны, последовательная «европеизация» испанцев делает их согражданами — пусть пока и на надгосударственном уровне — жителей других европейских стран, также входящих в ЕС, членами укрепляющейся «общеевропейской общности», и это не может не оказывать влияния на самоопределение обитателей Испании. Одно из следствий указан-

⁴³ Marcos Marin Fr.A. Cultura al margen: inmigracion, lengua e identidad // Revista de Occidente. 2005. № 287 (www.revistas culturales.es.com)

⁴⁴ Vicente Torrado T.L. La inmigracion latinoamericana en Espana (Expert Group Meeting on International Migration and Development in Latin America and the Caribbean. Department of Economic and Social Affairs. United Nations Secretariat) (www.org/esa/population/meetings/1ttMigLAC)

⁴⁵ Roth J.O. Lengua y migraciones: aspectos culturales de la inmigracion latinoamericana en Espana // ARI, N36, 20.03.2007 (<http://www.realinstitutoelcano.org>)

⁴⁶ www.romance-languages.pomona.edu

ного процесса мы можем видеть уже на упоминавшейся выше «шкале предпочтений», где на первом по «приемлемости» для испанцев месте находятся — опережая всех остальных, в том числе и ибероамериканцев — выходцы из Западной Европы... Более того, некоторые исследователи уже фиксируют в испанском обществе тенденцию к внутреннему, так сказать, культурно-психологическому отделению от выходцев из Латинской Америки, к тому, чтобы воспринимать их как чужаков — вопреки вековой традиции отношения к ним как к братьям по испаноязычному миру. Во всяком случае, именно такая — т.е. состоящая в постоянном вольном или невольном подчёркивании различий между испанцами и «латинами» и, напротив, в отстранении от того общего, что их объединяет — стратегия прослеживается, как отмечают эксперты, в подаче испанскими СМИ материалов по проблематике, связанной с «гастарбайтерами» ибероамериканского происхождения в Испании и даже шире — с Латинской Америкой как таковой; всему этому противопоставляются — в целом со знаком «плюс» — (Западная) Европа и (западно)европейцы⁴⁷.

Нельзя не отметить в этой связи довольно высокую (ок. 40%) долю латиноамериканцев, изменивших свои изначальные (как правило, весьма позитивные) представления об Испании к худшему после того, как прожили здесь какое-то время⁴⁸. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что ситуация с иммиграцией на территории Испании меняется довольно быстро и радикально, и какая из отмеченных нами или же каких-то иных тенденций в конечном счёте окажется наиболее влиятельной, предположить сейчас вряд ли возможно.

⁴⁷ Retis, J. Op. cit.

⁴⁸ Maderuelo M. La imagen de Espana en la inmigracion europea y latinoamericana // DT, 23.08.2005 (<http://www.realinstitutoelcano.org>)

Финансирование местных сообществ в Испании: нынешнее состояние и перспективы реформирования

И. Л. Прохоренко

Испания имеет богатый исторический опыт и традиции местного самоуправления. После смерти Франко новая Конституция провозгласила создание «государства автономий». Были образованы и приняли свои статуты 17 региональных автономных объединений (сообществ). Это повлекло за собой перемены в практике управления страной. Одновременно встал вопрос о реформировании института местного самоуправления, его адаптации к новой организационной структуре государства.

Хотелось бы: 1) дать краткую характеристику действующей системе финансирования местных сообществ в Испании; 2) обрисовать нынешнюю ситуацию в стране в связи с необходимостью реформы финансирования местных сообществ и попытаться дать прогноз развития ситуации; 3) поразмышлять о возможном влиянии широкой общественной дискуссии о реформе финансирования местных сообществ на рост конфликтности в Испании.

Согласно Конституции, местные сообщества — это муниципалитеты, провинции и острова. Сегодня в стране более 8 тыс. муниципалитетов, 38 провинций общего режима, 3 провинции форального режима, 10 островов. В этот перечень не входят 6 автономных сообществ, состоящих из одной провинции (Мадрид, Наварра и другие).

Термин «форальный» режим происходит от испанского «фуэрос». Так называли старинные вольности областей и провинций, прежде всего баскских, в сфере местного самоуправления и законодательства, налогообложения, таможенных границ. В послефранкистский период отношения центра со Страной Басков и Наваррой был придан особый статус, они регулируются форальным правом — так называемым экономическим соглашением с Мадридом на двусторонней основе.

Доля местных органов управления в структуре общественных расходов к середине 1980-х годов достигла 11–12% и продолжает оставаться приблизительно на том же уровне (13–14%), что соответствует аналогичным показателям в европейских

странах. В общем объеме финансирования автономных и местных сообществ доля последних в 2006 г. составила больше трети, остальное получили регионы.

В 2005 г.⁴⁹ объем государственных средств, выделенных местной властью, превысил 60 млрд. евро. Чуть больше 70% всех поступлений получили муниципальные советы, 8,5% — советы 38 провинций общего режима, около 3% — муниципальные советы островов, а почти 19% — советы 3 провинций форального режима, т.е. 3 баскских провинций. Аналогичным образом распределились и расходы органов местных бюджетов — текущие и капитальные. Как это ни парадоксально звучит, но советы баскских провинций наделены правом перераспределять средства не только вниз — муниципалитетам, но и вверх — региональным властям (баскскому правительству).

Демографический фактор — решающий в системе финансирования муниципалитетов. Испания — это страна малых и небольших по численности населения городов и сельских населенных пунктов. Около 85% всех муниципалитетов, где проживают 14% населения, насчитывают менее 5 тыс. жителей, из них $\frac{1}{7}$ часть — это населенные пункты, где живут до 100 жителей, а $\frac{1}{3}$ — где живут от 100 до 500 человек. Городов, которые перешагнули миллионный рубеж, всего два — Мадрид и Барселона (это примерно 11% населения страны).

В абсолютных цифрах оба мегаполиса и мелкие муниципалитеты получили от государства одинаково — чуть более 6 млрд. евро. При этом размер поступлений на душу населения для Мадрида и Барселоны превысил аналогичный показатель для малочисленных муниципалитетов почти на 300 евро. Примерно то же соотношение показателей наблюдалось при расходовании средств из казны. Текущие расходы (а это почти 78,5% всех поступлений) также были примерно равными, однако цифры лукавят, если при этом не учитывать количество малых и небольших муниципалитетов — их более 7000. Еще в большей степени это касается капитальных расходов.

Впрочем, расходы на социальные нужды этих двух категорий муниципалитетов оказались в 2005 г. приблизительно одинаковыми, с небольшим перевесом в пользу малочисленных муниципалитетов. Это понятно и тем более важно, потому что в среднем по стране почти 20% испанцев живет за чертой бедности. Этот показатель намного выше в автономных сообществах, где подобные муниципалитеты преобладают, таких как Андалусия (27,7), Канарские острова (28,5), Кастилия-Леон (25,5), Кастилия-Ла-Манча (29,6), Мурсия (24,7), Сеута и Мелилья (33,8)⁵⁰.

Не следует считать, что доходы местных бюджетов складываются лишь из финансовых средств, полученных из бюджетов других уровней. Их доходную часть составляют собранные на территории муниципального образования местные налоги и сборы, законодательно закрепленные доли общегосударственных и региональных налогов, доходы от имущества, находящегося в муниципальной собственности, средства самообложения граждан, часть доходов от оказания платных услуг

⁴⁹ Количественные показатели за 2005 г. являются последними наиболее полными официальными данными — *Naciendas locales en cifras/ Año 2000–2005* (см. официальный сайт министерства финансов и экономики Испании (<http://www.meh.es>)).

⁵⁰ См.: *Anuario Estadístico de España 2007*. Madrid, Instituto Nacional de Estadística, 2007, p. 295.

органами местного самоуправления и муниципальными учреждениями, штрафы и тарифы, установление которых по закону отнесено к компетенции местных органов. Здесь действуют две модели финансирования. Первая — уступка (цессия) общегосударственных налогов для провинций, муниципалитетов с численностью населения свыше 75 тыс. человек, столиц провинций или автономных сообществ (модель действует в отношении 84 местных сообществ, это более 43% населения). В 2005 г. цессия налогов для отвечающих этим условиям муниципалитетов составила 15% поступлений в местные бюджеты, недостающие 85% предоставил фонд дополнительного финансирования. Более 40% средств фонда получили Барселона и Мадрид.

Вторая модель действует в отношении более 8 тыс. муниципалитетов (это около 57% населения), она учитывает такие переменные показатели как численность населения, объем налоговых платежей и так называемую налоговую способность населения. Согласно этой модели, 59% поступлений из казны достались муниципалитетам с населением свыше 20 тыс. человек, 22% — с населением до 5 тыс. жителей.

В системе финансирования местных сообществ особое место отведено так называемым «туристическим» муниципалитетам, которые по своим характеристикам не подпадают под действие первого варианта модели финансирования, однако численность проживающего в них населения более 20 тыс. человек, а количество находящегося в собственности второго жилья превышает аналогичный показатель основного места жительства. В отношении их действует смешанная схема, которая соединяет в себе принцип переменных показателей в финансировании с элементами цессии поступлений от сбора специальных налогов (например, на производство табака и табачных изделий, на потребление энергии, полученной из углеводородов).

В послефранкистский период со времени принятия Конституции 1978 г., закрепившей основные принципы местного самоуправления в государстве автономий, модель финансирования местных сообществ не оставалась статичной, естественным образом в нее вносились изменения и дополнения. Вместе с тем на протяжении последних лет в общественно-политической жизни страны идут дискуссии о необходимости реформирования системы местного самоуправления, в том числе модели финансирования местных сообществ. Это связано, в первую очередь, с начатой в стране реформой автономных статутков, в широком смысле — реформой государства автономий в целом. Свою роль играют и процессы европейской интеграции, опыт местного самоуправления в единой Европе.

Правительство Х. Л. Родригеса Сапатеро в период первой своей легислатуры (2004–2008 гг.) увеличило на 34% объем государственного финансирования муниципалитетов, компенсировало финансовые потери местных властей в связи с отменой налога на экономическую деятельность, создало специальный Фонд муниципальной солидарности для гарантий минимального уровня финансирования муниципалитетам с населением до 20 тыс. человек. Социалисты также предприняли попытку модификации базового законодательства о местном управлении, оставив, впрочем, в стороне финансово-экономическую деятельность местных сообществ, предполагая обсудить этот вопрос в рамках проводимой реформы автономных статутков.

После всеобщих парламентских выборов 9 марта 2008 г. проблема финансирования местных и автономных сообществ заняла центральное место в повестке дня работы нового парламента и обновленного правительства социалистов. Особую роль в процессе обсуждения реформы финансирования местных сообществ играет Испанская федерация муниципалитетов и провинций (ИФМП)⁵¹.

Оппозиционная Народная партия (НП), ИФМП, парламентское большинство в конгрессе депутатов и сенате⁵², многие руководители местных и автономных сообществ страны предложили рассмотреть вопрос о реформе финансирования местных сообществ в кратчайшие сроки и в связи с реформой финансирования автономных сообществ. Различных конкретных предложений выдвигается немало (увеличить объем государственного финансирования, финансовая помощь местным сообществам, доля иммигрантов в населении которых, превышает 10% и т.д.). Однако всеобъемлющий проект реформы финансирования местных сообществ удалось представить лишь ИФМП, под эгидой которой в 2006–2007 гг. группа экспертов из академической среды провела всестороннее исследование нынешней ситуации с местным финансированием⁵³.

Исходя из признания равенства местного уровня управления наряду с остальными и основываясь на европейском опыте местного самоуправления, в самом общем виде ИФМП предлагает создать систему финансирования, исходным принципом которой стала бы исключительно численность населения муниципалитета (более или менее 20 тыс. жителей). Особое внимание новая система уделяет именно малым муниципалитетам, финансирование которых будет осуществляться по упрощенной схеме.

Также следует изменить принципы перераспределения средств центрального, региональных и местных бюджетов, сделать этот процесс прозрачным, исходя из задач солидарности и выравнивания доходов местных сообществ⁵⁴. Доля государства в финансировании местных сообществ должна быть достаточной и адекватной. Участие автономных сообществ также необходимо расширить, наладив в полной мере деятельность Автономных безусловных фондов.

Оставив в стороне оценку подобного проекта реформы с точки зрения правильности и соответствия интересам развития страны и государства, зададимся вопросом о возможности реализации этого проекта. Стремление обеспечить максимальное равенство местных сообществ вряд ли осуществимо в нынешних условиях испанского асимметричного государства автономий, ведь отказ от фо-

⁵¹ ИФМП создана в 1981 г. для взаимодействия местных сообществ как между собой, так и с государственными и региональными властями, объединяет подавляющее число местных сообществ Испании.

⁵² В генеральных кортесах по результатам выборов 9 марта 54 депутата конгресса (из 350) и 66 сенаторов (из 264) являются представителями местной власти — мэрами и советниками.

⁵³ См.: La financiación local en España: radiografía del presente y propuestas de futuro/J. Suárez Pandello (coord.). Salamanca, 2008.

⁵⁴ В настоящее время доля государства в текущих расходах местных органов власти составляет более 55%, почти 30% — доля автономных сообществ, в капитальных расходах доля автономных сообществ еще выше — более 49%. Передавая финансовые средства на локальный уровень, автономные сообщества поддерживают в первую очередь именно малочисленные населенные пункты.

рального режима в финансировании местных сообществ, вероятно, предполагает отмену действующего аналогичного режима в системе финансирования автономных сообществ.

Несомненно, фактором, осложняющим обсуждения реформы финансирования местных и автономных сообществ, является кризисное состояние испанской экономики. Строительный бум последних лет, ставший мотором роста национальной экономики, закончился в 2007 г. Одновременно замедлился внутренний спрос (потребительские расходы населения оказались наиболее низкими за последние 7 лет), снизился индекс доверия потребителей. По оценкам правительства, уровень безработицы в стране достигнет 12,4% к концу 2008 г. Все это негативно сказывается на доходах местных бюджетов, собранных на территории муниципального образования, и ставит под вопрос объемы финансирования со стороны государства и автономных сообществ.

В этих непростых условиях широко обсуждаемый вопрос о реформе финансирования местных сообществ стал одним из факторов, способным повлиять на эмоциональную атмосферу испанского общества и даже изменить ее, оказывая воздействие, по сути дела, на все социальные слои и группы (учитывая особую роль принадлежности локальному территориальному сообществу для испанцев). При этом импульсом формирования настроений становятся СМИ и, прежде всего, телевидение.

К сожалению, мы не располагаем данными о готовности испанцев принять участие в акциях протеста по поводу вопроса о реформе местного финансирования. Тем не менее, показательны случаи нового для послефранкистской Испании политического поведения представителей руководства органов местного самоуправления.

Так, в 2008 г. алькальд (мэр) муниципалитета Полопос-Ламалолла (Гранада) П. Фернандес избрал голодовку формой протеста против нынешней модели финансирования местных сообществ, а алькальдеса Валенсии Р. Барбера обратилась к руководству муниципалитетов страны с призывом прекратить перечислять центральному правительству средства доходы от сбора налога на добавленную стоимость, оправдывая подобные действия недостатком государственного финансирования. Также наблюдается противостояние между муниципальными властями различной партийной принадлежности: ведущие политические партии страны — ИСРП и НА — по-настоящему соревнуются между собой, призывая алькальдов и советников экономить на своей заработной плате.

Анализ сложившейся в Испании ситуации с финансированием местных сообществ позволяет сделать следующие выводы:

1. действующая модель финансирования не удовлетворяет политическим, социальным и финансовым запросам местных сообществ, в ней имеются стратегические просчеты, она нуждается в реформировании;
2. не стоит надеяться на быстрый, безболезненный и заверченный процесс реформирования;
3. дискуссия по вопросу реформы местного финансирования со всей очевидностью может накалить эмоциональную атмосферу в обществе, повысить уровень общественной конфликтности.

Баскская националистическая мифология и реальность⁵⁵

Е. С. Самсонкина

На сегодняшний день Страна Басков и националистический терроризм ЭТА является основным очагом напряженности и нестабильности в Западной Европе. Баскский конфликт имеет место в благополучной стране с консолидированной демократией, входящей в ЕС и НАТО, в одной из ее самых развитых и экономически процветающих автономных областей, с высокой долей образованного населения.

Сегодня порой можно слышать мнения, что при нынешнем уровне образования и культуры этнические мифы уже не способны одурманить «разумных» европейцев. Однако баскский случай доказывает обратное. Террористическая деятельность ЭТА, продолжающаяся, несмотря на предоставленные Мадридом свободы и автономные права, вызывает удивление и оживленные дискуссии. «Секрет» живучести ЭТА в современном баскском обществе во многом объясняется, на наш взгляд, иррациональным, полурелигиозным характером националистической идеологии басков, в основе которой лежит ряд мифов, сформированных еще в Средние века.

Поэтому многие испанские историки, обращаясь к изучению проблемы национализма в Испании, зачастую оставляют в стороне от рассмотрения «баскский случай, который всегда плохо поддавался пониманию и анализу в рамках здравого смысла»⁵⁶.

Необходимо отметить, что апелляция к кровным узам, этническим мифам и местным традициям (культ предков, любовь к родной земле, гордость за героическое прошлое и уникальную национальную культуру, чувство этнической исключительности) характерна для всех этнонационалистических движений в целом и обладает чрезвычайно мощным эмоционально-мобилизующим зарядом, легко порождающим фанатизм и экстремизм. Как справедливо заметил английский исследователь Энтони Смит, само этническое самосознание невозможно вне системы

⁵⁵ Выступление и статья подготовлены в рамках гранта РФНФ (проект № 08-03-00003а).

⁵⁶ Seco Serrano C. Nacionalismo español y nacionalismos periféricos en la edad contemporanea. — "España como nación". Real Academia de Historia, Barcelona, 2000, p. 239.

мифов и символов; оно мифично по самой своей природе⁵⁷; мифы и символы — обязательные атрибуты для создания нации как концепции и социально-политической реалии⁵⁸. Создаваемое чувство солидарности вокруг определенных ценностей и идей-мифов позволяет эффективно манипулировать коллективным сознанием.

Баски — этнос, история и современное состояние которого порождают острые и оживленные дискуссии. До сих пор остается загадкой происхождение баскского народа, так как его язык, эускера, не относится ни к одной из известных в мире языковых семей. Этот язык с давних времен стал основным элементом национальной самоидентификации басков. Одни исследователи считают их потомками смешанного племени кельтов и иберов, другие находят родство басков и грузин. От остальных народов, населяющих Испанию, баски отличаются языком, характером, нравами и обычаями.

С этнокультурным своеобразием баскских провинций тесно связана баскская традиционная мифология, зарождение которой относится к Средним векам, к эпохе форального режима. Это специфический режим политико-административного самоуправления, существовавший в баскских провинциях с XIII в. и зафиксированный так называемыми «фуэрос» — совокупность льгот, привилегий и обязанностей, во многом определявших взаимоотношения между Центром и Страной Басков. Испанские короли, обладавшие огромными полномочиями, приносили клятву верности фуэрос. Этот символический жест значил очень многое, ибо служил подтверждением верховенства фуэрос над королевской властью. На протяжении столетий фуэрос были для басков воплощением их старинных традиций и обычаев, символом национальной самобытности.

В XVI в. с появлением первых исторических хроник, написанных историками баскского происхождения, зарождается форальная мифология: «Фуэрос родились облеченными в миф... именно это легендарная сущность фуэрос, а не их юридическо-институционное содержание... легло в основу баскского национализма»⁵⁹. Утверждалось божественно-естественное происхождение баскских «демократических» обычаев, которые были заложены Тубалом, внуком Ноя⁶⁰, поэтому Баскония со своими совершенными законами являлась последним уцелевшим на земле уголком Рая, где все были равны и благородны по происхождению.

Между тем факты свидетельствуют, что баскские фуэрос имели то же происхождение, что и фуэрос других испанских провинций, и основывались на общем кастильском праве⁶¹. Однако были и отличия, которые оказались решающими для формирования специфической баскской традиционной мифологии.

⁵⁷ Smith A. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, 1986, p. 149.

⁵⁸ *Op. cit.*, p. 5.

⁵⁹ Aranzadi J. *Milenarismo vasco: Edad de Oro, etnia y nativismo*. Madrid, 2000, p. 436.

⁶⁰ «Тубал научил своих потомков закону природы и распорядился жить по нему» (Garibay, Esteban. *Los XL libros del Compendio historial de las crónicas y universal historia de todos los reynos de España*. Цит. по: Corcuera Atienza J. *Orígenes, ideología y organización del nacionalismo vasco*. Madrid, 1979, p. 14). Эстебан Гарибай (1533–1600) — придворный испанский историк баскского происхождения, автор первой работы по истории баскских провинций.

⁶¹ García Cortázar J. A. *Introducción a la historia medieval de Alava, Guipúzcoa y Vizcaya*. San Sebastián, 1979, pp. 34 y ss.

Баскские фуэрос декларировали, в числе прочего, принцип юридического равенства всех басков. Распространение формально-эгалитарных отношений во многом объяснялось отсутствием среди них четкой социальной иерархии. Так, в находившихся порой на значительном расстоянии друг от друга горных долинах сеньориальная система не была по-настоящему развита. Здесь существовало полунатуральное хозяйство, доминировали мелкие землевладельцы. Психологическая дистанция между крестьянами и местной знатью была менее заметна, чем в других регионах Испании.

Более того, в XV–XVI вв. в баскских законах в результате социальных конфликтов появляется беспрецедентное положение о всеобщем благородстве басков (*hidalguía universal*) — всем уроженцам баскских провинций был присвоен благородный статус идальго. Этот статус вполне коррелировал с тогдашней общеиспанской историко-юридической традицией, в соответствии с которой основанием для принадлежности к «благородному» сословию дворянства объявлялась «чистота крови», а именно, отсутствие в роду иноверцев-нехристиан. Поскольку Страна Басков не была завоевана мусульманами-арабами, то все ее жители по праву считались благородными, т.е. идальго. Наличие «северного предка» стремились доказать все дворяне Испании. В рамках борьбы за утверждение расовой чистоты, которая в XV–XVI вв. проходила на всей территории Испании, из баскских провинций изгонялись иноверцы-нехристиане (евреи, арабы), а все переселенцы по закону были обязаны пройти долгий и дорогостоящий процесс, чтобы доказать чистоту и благородство своей крови.

С юридическим закреплением благородного статуса всех басков «благородство крови» из разряда социальных явлений перешло в область биологии – баски получали юридически высокий статус не за особые заслуги, а просто по праву рождения.

Столь необычное право требовало идеологического обоснования. С XVI в. местные историки и хронисты обратились к расовым аргументам, изображая басков как предшественников испанцев на Пиренейском полуострове, «исключительный», «богоизбранный» народ⁶², земли которого с древних времен обладают суверенитетом, отличаются демократическим устройством и всеобщим равенством: в отличие от Кастилии, «в Бискайе благородство является всеобщим и изначальным, так как на баскской земле никогда не было феодалов и вассалов, а все ее сыны со времен Золотого века обладали врожденной свободой»⁶³. «Каким образом все уроженцы Ги-

⁶² «Баскская нация... пользовалась особой благосклонностью и вниманием Бога среди всех испанских народов и, даже можно сказать, во всем мире. Этот небольшой народ... никогда не смешивался ни с какой другой нацией извне... Наглядным свидетельством этому является эускера, язык, который явно выделяет нас среди прочих наций» (*Corografía de Guipúzcoa*. San Sebastián, 1969, p. 213). Мануэль де Ларраменди (1690–1766) — писатель, филолог, иезуит баскского происхождения, выдающийся знаток и апологет эускеры и баскской культуры, первый баскский фольклорист. Он утверждал превосходство баскского языка, наидревнейшего в Западной Европе, и был ревностным защитником чистоты баскской расы. «Ларраменди разделяет теорию «благородства крови» в такой степени, что мог бы считаться предшественником современных расистов» (Каро Бароха, Х. Баски. М., 2004, с. 251). Его работы актуальны вплоть до сегодняшнего дня; к авторитету Ларраменди в своих выступлениях любят апеллировать многие видные лидеры БНП, например Х. Арсальюс.

⁶³ Poza, Andrés de. *De nobilitate in proprietate* (1589). Цит. по: Aranzadi J. *Milenarismo vasco: Edad de Oro, etnia y nativismo*, p. 455.

пускоа могут быть благородными? Я вам отвечу: так как все они имеют благородное происхождение (от Тубала — *E. C.*) без примеси еврейской и арабской расы, негров и мулатов, простолюдинов и плебеев»⁶⁴.

Таким образом, в XVI–XVIII вв. можно констатировать существование форального расизма, который стал баскским региональным вариантом испанского религиозного пуризма и нетерпимости, традиционалистской одержимости старых христиан против новообращенных евреев и арабов. Форальный расизм басков привел к формированию иррациональной этнической мифологии баскской исключительности и специфического этнического менталитета, отличительными чертами которого стали гордость и забота о расовой чистоте и благородстве крови. Обостренное чувство своего особенного, благородного статуса привело к четкому противопоставлению между басками и всеми остальными не-басками.

Баскскими теоретиками была особым образом интерпретирована баскская история и история баскско-испанских отношений: на смену конфедерации баскских земель под эгидой Наварры пришел добровольный пакт между баскской нацией и испанской короной, что, однако, не означало потери баскского суверенитета. В реальности баски, хотя и обладали широкой автономией, никогда не имели единой и устойчивой государственности. Форальная «демократия» имела мало общего с истинной свободой — лишь немногие могли пользоваться своими избирательными правами, так как для этого, согласно фуэрос, необходимо было пройти дорогостоящий процесс проверки «благородства крови»⁶⁵. Формально-юридическое равенство басков отнюдь не исключало существования эксплуатации, социального неравенства, дискриминации в их среде. На практике форальная система была олигархической, и власть концентрировалась в руках узкого слоя местной знати.

Именно сельская знать и нарождающаяся буржуазия были заинтересованы в поддержании форальных мифов о равенстве и исключительности басков, о божественном происхождении баскских законов и, соответственно, их нерушимости. Эта идеализация форального режима способствовали частичному примирению противоположных социальных интересов и снижению социальной напряженности в провинциях.

Свой вклад в становление баскской националистической мифологии внес XIX в. и эпоха романтизма. В это время под влиянием идей немецких романтиков по всей Европе пробуждается интерес к фольклору, истории и этнографии. Оптимистической идеализации будущего, столь характерной для века Просвещения, романтики противопоставили подобную же идеализацию национального прошлого, средневековья и христианского духа. Отсутствие многочисленных письменных источников по ранней баскской истории и окутанность мраком многих событий средневековой эпохи дали значительный простор для преднационалистического мифотворчества.

Самым ярким представителем этой эпохи стал баск французского происхождения и республиканских взглядов Агустин Чао (1810–1858). Именно его фантазии

⁶⁴ Larramendi M. *Corografía de Guipúzcoa*, p. 139.

⁶⁵ По подсчетам историков, в конце XVIII в. в Бискайе и Гипускоа меньше 50% населения могли голосовать, тогда как в менее «демократичных» Алаве и Наварре — 17% и 6%, соответственно (Azaola J. M. *Vasconia y su destino*. Paris, 1976, т. II, p. 252).

принадлежит образ Айтора, благородного прародителя всех басков, а также миф о карлистских войнах⁶⁶ как о «восстании басков» против Испании⁶⁷. Агустин Чао, Артуро Кампьюн, Висенте де Арана, Наварро Вильослада и другие романтики писали элегии о баскских свободах и прославляли наидревнейший баскский язык. Дуб Герники — святыня, символ баскских свобод и вольностей — был бесконечное количество раз воспет в прозе и стихах, а в исторических нарративах баски приобрели романтический ореол героев, борцов и мучеников за свободу и справедливость; был создан пантеон баскских национальных достоинств, «открыт» особый баскский национальный характер.

При этом одновременно те же самые люди разрабатывали горнорудные шахты, нанимали на работу испанских иммигрантов, голосовали за представителей правящего в Испании режима; романтическая сентиментальность в них легко уживалась с трезвым практицизмом. Важно отметить, что баскские романтики дальше прославления баскского языка не ушли — говорить и писать на баскском большинство из них так и не научилось.

Отмена баскских фуэрос в 1876 г. была встречена с крайним возмущением в баскском обществе и стала катализатором нового витка мифотворчества. Теперь романтические мифы уже пронизаны невыносимой меланхолией, тоской по никогда несуществовавшему «золотому веку», когда все баски были равны и жили счастливо и независимо в согласии со своими древнейшими свободами и в гармонии с христианской традицией. Структура всех этих мифов едина и напоминает сказку наоборот — переход из состояния обладания чем-то к состоянию лишения, переход из рая в ад.

Продолжением этой романтической традиции стали первые работы Сабино Араны, идеолога и основоположника баскского национализма, который впервые сформулировал миф об Эускади⁶⁸, как независимой стране, оккупированной с недавних пор (с 1839 г., когда испанскими королями впервые была нарушена целостность и нерушимость форального законодательства) враждебной Испанией и находящейся сейчас на пороге смерти.

Националистическая трактовка прошлого стала важнейшим идеологическим инструментом для мобилизации масс и манипулирования их настроениями. Баск-

⁶⁶ Карлистские войны (1833–1840; 1872–1876 гг.) — две гражданские войны в Испании, которые приобрели форму династического конфликта. Карлисты (названы по имени претендента на престол дона Карлоса) — сторонники абсолютной монархии — вовлекли в эти войны баскское крестьянство, используя его религиозно-традиционалистские чувства и недовольство условиями существования. Страна Басков стала основным театром военных действий, поэтому многими они стали восприниматься как противоборство между Страной Басков и остальной Испанией.

⁶⁷ Chaho A. *Viaje a Navarra durante la insurrección de los vascos*. San Sebastián, 1976. Ключевая работа А. Чао, которую он написал в 1835 году в возрасте 25 лет. Типичная романтическая фигура — писатель, журналист, путешественник, сторонник республиканских и левых идей, поклонник оккультных наук — А. Чао был одним из первых, кто стал изображать Страну Басков как нацию, угнетенную Испанией и сражающуюся за свою независимость. Примечательно, что он ничего не говорит о французской Стране Басков, откуда сам был родом, и французском «угнетении», а себя самого самоопределяет не иначе как француз. Республиканец Чао описывает карлистов, вставших в Испании на защиту традиционных ценностей, как романтических героев, так как, находясь под влиянием форальной мифологии и романтических идеалов, в защите фуэрос он увидел не что иное, как защиту баскской свободы и равенства.

⁶⁸ Термин, изобретенный Сабино Араной, обозначающий «страна, населенная расой эуско».

ская этно-история предстает в виде извращенных исторических фактов о деградации идилической Басконии в результате пагубного влияния Испании, последовательной череды предательств и трагических поражений⁶⁹. Баски в интерпретации националистов предстают как жертва неблагоприятных обстоятельств и козней врагов, как внешних, так и внутренних — то, что в испанской историографии получило обозначение как виктимизм (*victimismo*)⁷⁰. Миф о существовании независимого баскского государства, т.е. Наварры, стал тем самым историческим «аргументом», на котором зиждется сепаратизм баскских националистов.

Националисты, по сути, не изобрели ничего нового — они лишь систематизировали уже имевшийся арсенал идей и мифов об этнокультурной, языковой и исторической исключительности басков, дополнив все это мифами о «золотом веке» средневековой баскской демократии и оккупации Басконии Испанией.

В этом идеологическом здании ключевым стало понятие расы. Типичное еще для форальной эпохи представление о благородстве и превосходстве баскской расы было перевернуто Сабино Араной из религиозной плоскости в этническую «Испанско-католическое» отрицание мавров и евреев в конце XIX в. вылилось в «баскско-католическое» отрицание самих испанцев, которые, по мысли баскских националистов, унаследовали от мавров и евреев безбожие и безнравственность. Конкретные форальные законы были интерпретированы в антииспанском ключе: «Для того, чтобы стать жителем Бискайи, было необходимо либо быть уроженцем местной расы, либо быть иностранцем, который мог бы доказать отсутствие в своем роду мавров или евреев. Как полагали бискайцы, этого закона будет достаточно, чтобы защититься от вредного воздействия испанского народа (*contagio del Pueblo Español*), так как известно, насколько сложно было найти испанца, среди предков которого не было бы какого-нибудь мавра или еврея»⁷¹.

Таким образом, расизм не был изобретением Сабино Араны, а был лишь продолжением традиции форального расизма, существовавшего в баскских провинциях на протяжении нескольких веков и ухидившего своими истоками в испанскую религиозную нетерпимость.

В связи с этим впервые был создан ярко выраженный миф о существовании врагов, как внутренних (рабочие-иммигранты, происпанская баскская буржуазия), так и внешних (испанское государство, испанская буржуазия). Радикальное противопоставление всего баскского — испанскому, как двух изначально антагонистичных явлений, стало идеологической осью баскского национализма. Проповедовалась ненависть ко всему испанскому, так как Испания якобы превратила Страну Басков в свою колонию и угрожает существованию исключительной баскской расы.

⁶⁹ Завоевание Наварры Кастилией и предательство графа Лерина, поражение карлистов и упразднение фуэрос; уже в XX в. — капитуляция баскских военных формирований гударис в Сантонье и предательство итальянцев.

⁷⁰ Juaristi J. *El bucle melancólico*, p. 18. Эта традиция изображения басков в качестве жертвы продолжается до сих пор.

⁷¹ Arana S. *El Partido Carlista y los Fueros vasko-navarros*. — *“Obras escogidas: antología política”*. San Sebastián, 1978, p. 113.

Среди прочего националисты изобрели символическое единство баскской нации, единой баскской культуры на территории семи баскских провинций. Однако этого единства никогда не было. Отсутствие этого единства наглядно демонстрирует тот факт, что изначальный баскский национализм зародился как национальное движение лишь одной из семи баскских провинций, Бискайи. Сабино Арана в своих первых идеологических работах называл себя не иначе как «бискаинистом», а первый печатный орган националистов назывался «Bizkaitarra» («Бискаец»).

На протяжении столетней истории развития баскского национализма его традиционная мифология не претерпела серьезных изменений. Собранные еще в XIX в. мифы получили дальнейшую разработку, а также благодаря активной националистической пропаганде пустили глубокие корни в баскское общество. К 30-м годам XX в. баскское националистическое движение превратилось по меткому замечанию испанского политолога А. Элорсы в межклассовое «микро-общество», которое посредством многочисленных кружков, организаций и профсоюзов вовлекло в свою идеологическую орбиту широкие слои баскского общества⁷².

Был расширен пантеон этнических мифов за счет собственно националистических мифов, апологетических историй об основателях национализма и их героической деятельности. Мифологизированная фигура Сабино Араны, «Учителя», наряду с дубом Герники и гитарой Ипаррагирре стала одним из символов создаваемой баскской нации.

В эпоху Франко (1939–1975 гг.), когда баскская национальная культура оказалась под запретом, а в условиях непрекращающихся репрессий миф Араны об «оккупации» Испанией приобрел реальное воплощение, появилась новая баскская националистическая мифология. Под влиянием марксистских идей и в русле последних научных достижений в исследовании неписьменной истории (археология, этнология) возникает новое течение в баскском мифотворчестве. Новым поколением баскских националистов из семей иммигрантов были отвергнуты мифы об особой баскской расе и католическом духе баскских провинций. Истоки нации теперь виделись в баскском языке и языческой традиции⁷³. Именно это поколение националистов всерьез взялось за возрождение и развитие баскского языка. В националистической риторике баскские провинции из Эускади вновь превратилось в Эускалерию (из «страны, населенной расой эуско» и «народ, говорящий на эускере»). Интеллектуалы, близкие или имеющие прямое отношение к новой баскской националистической организации ЭТА — Габриэль Арести, Чилардеги — стали первопроходцами в создании современной литературы на баскском языке.

В 60–70-х годах XX в. расизм Араны трансформировался в идеи культурного превосходства басков, а традиционный миф об оккупации Страны Басков был интерпретирован в духе антиколониальной и антиимпериалистической борьбы. В результате возникло ошибочное отождествление баскской ситуации с действительностью колониальных стран и, как следствие, усвоение стратегии вооруженной на-

⁷² Elorza A. Ideologías del nacionalismo vasco, 1876–1937. San Sebastián, 1978.

⁷³ Sarrailh de Ihartza. Vasconia: Estudio dialéctico de una nacionalidad. Buenos Aires, 1963. Федерико Крутвиг (псевдоним Сарраиль де Иартса, 1921–1998) — идеолог баскской националистической организации ЭТА, который первым выступил за немедленное и систематическое обращение к насилию в борьбе против испанского национального и социального угнетения.

ционально-освободительной борьбы, успешно примененной в этих странах. В 1968 г. началась многолетняя борьба баскских террористов с испанским государством.

Современная идеология баскского сепаратизма, лежащая в основе экстремизма ЭТА, строит претензии на суверенность на основе следующих мифов. Первый — миф о нарушенных правах баскского народа, когда в 1876 г. произошла противозаконная отмена баскских свобод-фуэрос. Второй — «экономическое угнетение»: в общественное сознание внедряется мысль о том, что Мадрид эксплуатирует ресурсы баскских провинций и перераспределяет их в пользу остальных в экономическом отношении провинций, что напрямую ущемляет интересы каждого баска. Третий — миф о «непрекращающихся» репрессиях со стороны испанского государства, что служит легитимацией терроризма ЭТА и нагнетается с помощью полурелигиозных ритуалов поминовения погибших или заключенных «борцов за свободу». И, наконец, последний миф — о том, что мировое сообщество поддерживает право народов на самоопределение, которое, однако, не является аксиомой в международной практике.

Резюмируя, можно констатировать, что на протяжении столетий баски с малых лет впитывали иррациональную этническую мифологию собственной исключительности, что сформировало особый национальный менталитет и характер. В 80-е годы XX в. один баскский юрист, в свое время искавший себе жену, так выразил эти настроения: «Баски просто одержимы своими фамилиями. Чем больше баскских фамилий у человека есть, тем больше он ими гордится. Чистота происхождения важна даже для тех, кто политически является антибаском. Если ты женишься на девушке баскского происхождения, то тем самым ты передаешь неразбавленным свое баскское происхождение детям. Никто не хочет, чтоб его ребенка звали Колдобика Гойкоэча Перес» (Колдобика Гойкоэча — типичные баскские имя и фамилия, тогда как Перес — широкораспространенная испанская фамилия)⁷⁴.

Баски — это одна из многих этнических загадок. Мифический ореол, окутывающий прошлое и настоящее басков, во многом препятствует рациональной оценке существующей в провинциях ситуации и является одной из важнейших причин долголетия терроризма ЭТА.

⁷⁴ Цит. по: Heiberg M. The Making of Basque Nation. Cambridge, 1989, p. 99.

Роль ежедневных газет «Эль Паис» и «Эль Мундо» в политической жизни Испании

А. А. Паисова

Новейшая история внутренней и внешней политики Испании неразрывно связана с появлением и становлением свободных СМИ. Продолжительный период диктатуры Франко оказал негативное влияние на развитие испанской журналистики, которая подвергалась жесткой цензуре вплоть до середины 70-х гг. прошлого столетия. Закон о Печати 1966 г. лишь создавал видимость ослабления контроля, являясь по сути лишь более тонкой и изощренной системой отслеживания и пресечения «опасных» для режима Франко идей и настроений.

Настоящим символом печатной журналистики переходного периода от диктатуры к демократии можно считать газету «Эль Паис». Появившись в мае 1976 г., это издание уже через несколько лет завоевало доверие и поддержку сотен тысяч читателей в самой Испании и за рубежом. Среди создателей «Эль Паис» были такие яркие представители профессиональной и интеллектуальной элиты Испании, как Хосе Ортега Спотторно, Карлос Мендо, Дарио Валкарсел.

Первоначально идея создания газеты «Эль Паис» не вызывала особых ожиданий ни в политических кругах, ни в профессиональной журналистской среде Испании. Мало кто предполагал, что со временем «Эль Паис» станет выразителем передовых демократических идей и общественного мнения в средствах массовой информации, надолго займет лидирующее положение в системе ежедневной печати.

«Эль Паис» выступала за независимость от политической и экономической власти, против любого давления в отношении свободы информации. Руководствуясь либеральной концепцией жизни и придерживаясь принципов демократии, газета с самого начала отказалась от трудно забываемых привычек и пороков печати времен правления Франко. Возникнув в новую политическую эпоху, «Эль Паис» вызывала значительно большее доверие и интерес, чем издания, выходившие в период диктатуры. Придерживаясь установленных редакционных правил и стилистических норм, эта газета ориентировалась на европейские стандарты

«качественной» ежедневной печати. Созданная во многом по образцу влиятельной французской газеты «Монд», «Эль Паис» обращалась к интеллектуальной элите испанского общества, которая могла непосредственно влиять на ход демократических преобразований.

В 80-х гг. прошлого столетия «Эль Паис» нередко приписывали роль «Официального Государственного Вестника» (BOE), что являлось красноречивым доказательством тесных взаимоотношений Испанской социалистической рабочей партии и издания. Подобная стратегия газеты, существенно повлияла на расстановку политических сил, иными словами способствовала тому, чтобы ИСРП стала альтернативой власти Союза демократического центра (UCD). «Эль Паис», как главная газета периода трансформации политического режима, принимала непосредственное участие в процессе социально — политической модернизации Испании. Можно согласиться с утверждением Лукаса Верду о том, что «процесс перехода в Испании образовался не в политическом кругу, не в правительстве. Общество, общественное мнение через такие каналы, как пресса, дали толчок этому процессу».

После парламентских выборов 1989 г. позиции ИСРП начали ослабевать. Новый политический цикл Испании характеризовался социально-политической нестабильностью, коррупционными скандалами. В этой неблагоприятной для правящей ИСРП обстановке, в 1989 г., появляется «Эль Мундо» — новая газета-оппозиционер, идеологический конкурент «Эль Паис» и проводник идей Народной партии, ведущей оппозиционной партии Испании. «Эль Мундо» во многом представляла собой продолжение традиций газеты «Диарио 16». Она получила в наследство, помимо общей информационной концепции, прежнего главного редактора — Педро Рамиреса — известного журналиста и близкого друга лидера Народной Партии Хосе Марии Аснара.

«Широко внедряя новейшую технологию, современные формы макетирования, используя цветную полиграфию, не скупясь на рекламу нового детища и собрав прекрасный журналистский коллектив, П. Рамирес за короткий срок смог добиться почти невозможного в условиях Испании. Газета «Эль Мундо» уже в 1993 г. заняла третье место по числу читателей, нарушив тем самым, казалось бы, непоколебимо устоявшуюся иерархию «грандов» в испанской печати»⁷⁵.

«Эль Мундо», продолжая линию, которой следовала и «Диарио 16», предприняла серьезные усилия оказать влияние на властные структуры, заручившись поддержкой значительной части общественности. Так, издание активно включилось в антиправительственную кампанию, выдвинув обвинения в коррупции против правительства ИСРП, что, в конечном счете, стало одной из важнейших причин его неудачи на парламентских выборах 1996 г. и победе лидера Народной партии Х. М. Аснара.

Тенденция «фаворитизма», выраженная в информационной политике газет «Эль Паис» и «Эль Мундо» на рубеже столетий и в первые годы XXI в., продолжала становиться все более очевидной. Незначительные критические выпады в сторону поддерживаемой политической силы, не могли в целом повлиять на восприятие крупнейших ежедневных газет Испании общественным мнением.

С появлением и динамичным распространением новых цифровых технологий

⁷⁵ Пашков г. Н. Печать в Испании. — «Вестник МГУ». Сер.10. Журналистика, 1994, № 3, с. 58.

соперничество «Эль Паис» и «Эль Мундо» развернулось в глобальном информационном пространстве. Интернет — версии газет, которые отражают все тенденции конвергирующихся СМИ, по-прежнему ведут борьбу за влияние на читательскую аудиторию, которая в Испании традиционно проявляет к серьезной политической информации более низкий интерес, чем к новостям таблоидного формата. Многочисленные приложения, специальные редакционные акции и открытые выступления журналистов и издателей «Эль Паис» и «Эль Мундо» в печатных, аудиовизуальных и цифровых СМИ обеспечивают этим медиабрендам высокую частоту цитирования в Испании и за рубежом. Репутация сильнейших изданий, способных оказывать существенное влияние на политические и экономические процессы, превратила «Эль Паис» и «Эль Мундо» в полноправных участников общественной жизни страны.

Внешняя политика Испании: «доктрина Сапатеро»

П. П. Яковлев

Испания занимает в современной системе международных отношений своеобразное место. Его можно определить следующим образом: **средняя держава с глобальными интересами**. Данное обстоятельство накладывает свой отпечаток на внешнеполитический курс и дипломатическую практику Мадрида. Одна из главных особенностей — умелое (не на словах, а на деле) сочетание «жесткой» и «мягкой» силы.

Как пример первой можно привести мощную экспансию испанского транснационального бизнеса. Напомним, что Испания в 2007 г. стала третьим по значению, после США и Франции, мировым экспортером капитала — 84,2 млрд. евро зарубежных инвестиций⁷⁶.

Испанский капитал уже стал внутренним структурным элементом латиноамериканских экономик — на его долю приходится 11% регионального ВВП⁷⁷. В последние годы испанские компании и банки приобрели крупные активы в европейских странах (прежде всего, в Великобритании и государствах Восточной Европы), а также в США, Китае, Северной Африке.

Примерами «мягкой» силы могут служить: активное продвижение за рубежом странового бренда, того, что называют “marca País”, целенаправленные усилия по распространению «кастельяно», осязаемое международное культурное влияние в широком смысле слова (искусство, литература, мода, гастрономия, образ жизни). Испания — страна, которая вызывает максимальные симпатии среди жителей других государств Европы.

По результатам опросов общественного мнения, проведенных «Файнэншел таймс» в 2006 г., Испания заняла первое место в качестве желаемого места прожи-

⁷⁶ Discurso del Presidente del Gobierno en la presentación del Informe económico anual del Presidente del Gobierno. Madrid, lunes, 23 de junio de 2008 (<http://www.la-moncloa.es/>).

⁷⁷ Noya J. La contribución de América Latina al poder blando de España en el mundo. — ARI No. 79/2008, 11/07/2008 (<http://www.realinstitutoelcano.org:9081/>).

вания европейцев⁷⁸. **Все это в сумме создает глобальную проекцию внешней политики Мадрида.**

Вместе с тем очевидно, что до настоящего времени далеко не во всех частях света Испания занимает позиции, соответствующие собственному экономическому и культурному потенциалу. Причем, данное положение относится и к тем районам, где лежат стратегические интересы страны. Речь, в первую очередь, идет об азиатско-тихоокеанском регионе — экономическом будущем человечества. Расширить международное присутствие Мадрида на просторах Азии и в ряде других мест — это вызов, брошенный испанскому политическому руководству самой жизнью и реалиями все более жесткой глобальной конкуренции.

Характерной чертой внешней политики Испании в условиях демократии долгое время было наличие **консенсуса** по основным вопросам международных отношений между главными национальными общественными силами. Это десятилетиями служило важной опорой испанской дипломатии, помогало добиваться существенных результатов в деле отстаивания национальных интересов. Ситуация поменялась в годы последней legislatury правительства Народной партии (НП).

Правление НП привело к фактическому нарушению консенсуса по основным внешнеполитическим вопросам, существовавшего в правящих сферах Испании на протяжении четверти века. В этом плане самый известный и вместе с тем разительный пример — процесс принятия решения об испанском участии в организованной США военной операции «Шок и трепет» (2003 г.). С самого начала против отправки войск в Ирак выступало как подавляющее большинство граждан страны, так и ее главные оппозиционные партии, включая Испанскую социалистическую рабочую партию (ИСРП) и Объединенных левых (ОЛ), а также крупнейшие профсоюзы и другие многочисленные неправительственные организации. По данному вопросу и в Генеральных кортесах, и в обществе в целом развернулись жаркие, если не сказать ожесточенные, дебаты, антивоенные демонстрации прошли во многих городах Испании⁷⁹. Тем не менее, правительство НП не изменило своего решения, и испанские военнослужащие были отправлены в Ирак. Это означало одно: испанская внешняя политика утрачивала общенациональный консенсусный характер и перемещалась в сферу межпартийной борьбы (порой бескомпромиссной) со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Безусловно, сложившаяся ситуация требовала исправления. Необходимо было привести международную политику в соответствие с подлинными интересами испанской нации и принятой практикой формирования внешнеполитического курса, восстановить климат согласия в этой важной области общественной жизни.

Весьма отчетливо такая попытка и новые подходы к мировым делам проявились с приходом к власти в апреле 2004 г. правительства социалистов во главе с их лидером Хосе Луисом Родригесом Сапатеро. Не случайно в программных документах ИСРП первым пунктом значилось: «Мы восстановим консенсус по вопросам

⁷⁸ Suárez Pertierra G. Presencia e imagen internacional de España. — “Política Exterior Madrid”, No. 124, Julio/Agosto 2008, p. 140.

⁷⁹ Подробнее см.: Испания. Анонсы и профиль. М., 2007, гл. 9.

внешней политики, нарушенный правительством НП»⁸⁰. Развивая указанный тезис, депутат конгресса Мануэль Марин писал, что с победой ИСРП сложились благоприятные возможности для возвращения к «внешнеполитической модели, располагающей твердой поддержкой большинства политических сил и, что особенно важно, испанского общественного мнения»⁸¹. Политическое большинство, подчеркивал парламентарий, считает необходимым сконцентрировать внимание на трех моментах:

- организация вывода испанских войск из Ирака;
- выработка политики, которая позволит «самортизировать» нежелательные для Испании последствия расширения Евросоюза на восток (прежде всего в плане сокращения выплат Мадриду из фондов ЕС);
- проведение коррекции двусторонних отношений с США с тем, чтобы найти приемлемый для обеих сторон баланс интересов.

Эти идеи легли в основу внешнеполитического курса социалистов, стали составной частью «**доктрины Сапатеро**».

Вполне можно констатировать, что в период первой legislatury администрация ИСРП внесла существенные коррективы во внешнеполитическую деятельность. Главное — Мадрид отошел от приоритетной ориентации на США, характерной для правительства Х. М. Аснара, и восстановил в правах европеизм как основной вектор испанской внешней политики. Не случайно противники Х. Л. Родригеса Сапатеро из рядов консерваторов с раздражением отмечают «очевидную и постоянную холодность дипломатических отношений с Соединенными Штатами»⁸². Существенными подвижками (по сравнению с предшествующим правлением «народников») были отмечены и другие направления политики Мадрида на международной арене. Правительство социалистов вывело испанский воинский контингент из Ирака, увеличило экономическую помощь бедным странам, выступило с масштабной дипломатической инициативой «Альянс цивилизаций», получившей, по крайней мере, декларативную поддержку в десятках государств мира на всех континентах⁸³. По мнению ряда исследователей, «Альянс цивилизаций» в плане практической политики — альтернатива силовому курсу США, а в идеологическом смысле — антитеза теории «столкновения цивилизаций» Хантингтона⁸⁴. По оценке близких к НП испанских неоконсерваторов, Х. Л. Родригес Сапатеро в сфере внешней политики произвел поворот на 180 градусов. «Никогда еще смена правительства в Испании не сопровождалась столь радикальным изменением внешнеполитического курса», — отмечал политолог Карлос Луис Мигель⁸⁵.

В концептуальном плане правительство ИСРП взяло на вооружение принципы многополярности и примата международного права, и в этом, по мнению аналити-

⁸⁰ 100 medidas del gobierno. Merecemos una España mejor (www.psoe.es).

⁸¹ Marín M. Política exterior: lo primero es restablecer el consenso (<http://www.cincodias.com/15.03.2004>).

⁸² Villa I. Zapatero: El efecto Pinocho. Madrid, 2007, p. 238.

⁸³ Подробнее о внешней политике правительства социалистов см.: Испания. Анфас и профиль, гл. 2, 9.

⁸⁴ Papell A. Zapatero, 2004–2008. La legislatura de la crispación. Madrid, 2008, p. 286.

⁸⁵ ¿Que piensan los “neoon” españoles? 20 años de análisis estratégico. Madrid, 2007, p. 148.

ков, также было свидетельство возврата к базовому доктринальному содержанию внешнеполитического курса Испании⁸⁶. Как отмечал президент Королевского Института Элькано Густаво Суарес Пертьерра, мир «движется в сторону нарождающейся многополярности, правила игры которой еще недостаточно ясны»⁸⁷. Испания, в качестве одной из влиятельных мировых держав, готова участвовать в процессе формирования многополярного мира. Об этом неоднократно заявлялось на самом высоком уровне. Например, в выступлении председателя правительства по вопросам внешней политики 16 июня 2008 года⁸⁸.

Следует при этом иметь в виду, что пересмотр отдельных элементов деятельности «народников» на мировой арене не предполагал закрепить имевший место раскол испанского истеблишмента по вопросам внешней политики. Цель была другая: вывести страну из дипломатического тупика, предложить обществу иную парадигму международных связей, в большей мере отвечающую национальным интересам, и на этой основе добиться нового широкого консенсуса. Причем, перемены в испанской дипломатии, по замыслу социалистов, должны были развиваться в русле крепнущего в последние годы общеевропейского тренда к растущей внешнеполитической самоидентификации и проведению согласованного курса на международной арене. Новые приоритеты Мадрида предполагалось органично коррелировать с более адекватным пониманием в Старом свете собственно европейских интересов. Однако позиция, занятая руководством НП не позволила прийти к согласию по целому ряду кардинальных вопросов. В политической жизни воцарился климат противостояния (*crispación*). Возвращение к консенсусу не состоялось, что, безусловно, создало дополнительные трудности правительству социалистов.

Внешняя политика администрации ИСРП стала мишенью острой критики со стороны главных оппозиционных сил. Правительство и лично Х. Л. Родригеса Сапатеро критиковали и критикуют за недостаточное внимание к международным вопросам. Это лейтмотив полемических выпадов. Более конкретно власти упрекают в ухудшении отношений с США, в ослаблении позиций Испании в Евросоюзе и НАТО, в сотрудничестве с левыми режимами Латинской Америки, в выдвигании «иллюзорных дипломатических инициатив» типа «Альянса цивилизаций»⁸⁹. Подобные голоса раздаются и за рубежом. В частности, бывший министр иностранных дел Мексики Хорхе Кастаньеда также критикует правительство ИСРП за тесные связи с левыми режимами в Латинской Америке (Кубы, Боливии, Бразилии, Чили, Уругвая и т.д.)⁹⁰. Как в каждой критике, в таких высказываниях есть доля правды, но только доля. В целом дипломатическая деятельность Мадрида в годы первой legislatury социалистов характеризовалась высокой активностью и соответствовала долговременным национальным интересам, которые иначе понимаются оппозици-

⁸⁶ Del Arenal C. La política exterior del gobierno socialista (<http://www.politicaexterior.com/>).

⁸⁷ Suárez Pertierra G. Presencia e imagen internacional de España, p. 141.

⁸⁸ Conferencia del Presidente del Gobierno con el título “En interés de España: una política exterior comprometida”, en un acto organizado por el Instituto Elcano (<http://www.la-moncloa.es/>).

⁸⁹ Zapatero descubre la política exterior. — “ABC”, 17.06.2008.

⁹⁰ Castañeda J. La errática política exterior de Zapatero. — “El País”, 4.07.2008.

онными силами. Отсюда — их недовольство внешнеполитическим курсом ИСРП. Другое дело (и это — суровая правда), что испанская дипломатия в последнее время все чаще сталкивается на мировой арене с новыми и разнообразными вызовами, на которые не так просто дать адекватный и оперативный ответ.

Свое видение основных международных задач, которые в ближайшем будущем придется решать Мадриду, изложил на страницах газеты «Эль Паис» один из самых авторитетных испанских политиков — Фелипе Гонсалес⁹¹. Легендарный лидер социалистов из всей палитры внешнеполитических вопросов выделил следующее. Во-первых, необходимость адаптироваться к новому глобальному соотношению сил: относительному ослаблению экономических и политических позиций ведущих западных держав во главе с США и усилению мирового влияния стран-членов БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) и ряда других «восходящих государств». Во-вторых, преодолеть кризисные явления в развитии Евросоюза и придать этому объединению дополнительный динамизм и конкурентоспособность. В-третьих, радикально сократить зависимость Испании от ископаемых источников энергии, диверсифицировать энергетическую базу национальной экономики. В-четвертых, выстроить конструктивную иммиграционную политику с учетом того, что «иммиграция, будучи необходимостью, с каждым разом становится все более серьезной проблемой». И в-пятых, пересмотреть оборонную стратегию, развернув ее к современным угрозам, исходящим не из ушедшего в прошлое противостояния Запад — Восток, а от организованной преступности и трансграничного терроризма.

По мнению многих экспертов, одна из внешнеполитических проблем Мадрида состоит в том, что в ряде ведущих европейских стран (Германия, Италия, Франция) к власти пришли правые силы, с которыми испанским социалистам сложнее находить общий язык. Пример тому — поддержка Брюсселем самопровозглашения независимости Косово, что не соответствовало национальным интересам Испании. Кроме того, под нажимом партнеров испанской дипломатии пришлось согласиться с ужесточением иммиграционной политики ЕС, что, к слову сказать, вызвало недовольство в Латинской Америке, с которой у Испании существуют особые отношения⁹².

Неприятными сюрпризами для испанской дипломатии стали: сначала отказ населения Франции и Нидерландов одобрить проект Европейской Конституции (2005 г.), а затем — отказ ирландских избирателей одобрить Лиссабонский договор (2008 г.). Ориентируясь на углубление интеграционных процессов в Европе и всячески демонстрируя свой «европейский оптимизм», Мадрид болезненно воспринимает неудачи в деле реального превращения Евросоюза в политически консолидированную организацию с общей внешней и оборонной политикой.

В период второй легислатуры Х. Л. Родригес Сапатеро планирует дальнейшую активизацию внешнеполитической деятельности. Об этом, в частности, свидетельствовало его выступление, организованное 16 июня 2008 г. престижным Королевским институтом Элькано перед многочисленными политиками, дипломатами и предпринимателями. Глава правительства, по существу, озвучил внешнеполитическую повестку дня, не оставив сомнений в готовности Мадрида в международных

⁹¹ González F. La Unión Europea: crisis y futuro. — «El País», 17.06.2008.

⁹² Galindo C., Rusiñol P. Europa se ancla a la derecha. — «El País», 4.07.2008.

делах играть роль «средней державы, занимающей особое стратегическое положение в многополярном мире»⁹³. Испанский лидер подтвердил такие традиционные приоритеты, как взаимодействие с партнерами по НАТО и Евросоюзу, укрепление позиций Мадрида в районах Средиземноморья и Магриба, сотрудничество с государствами Латинской Америки. Х. Л. Родригес Сапатеро заявил о намерении продолжать дипломатические шаги в русле инициативы «Альянс цивилизаций» и ясно обозначил стремление наращивать усилия на сравнительно новых внешнеполитических направлениях. В том числе было объявлено о трех предстоящих поездках главы правительства по странам Африки, трех — в Азию и одной — на Ближний Восток.

В своем выступлении Х. Л. Родригес Сапатеро подчеркнул этические основы внешней политики: готовность Испании вносить весомый вклад в глобальную борьбу с бедностью и голодом, защищать права человека и добиваться всемирного моратория на применение смертной казни. В данной связи международные наблюдатели отметили неизбежное столкновение конкретных национальных интересов (прежде всего, экономических) с декларируемыми высокими этическими нормами. Пример тому — отношения Испании с Экваториальной Гвинеей (единственным испаноязычным государством Африки). В этой стране, погрязшей в коррупции, грубейшим образом попираются права человека и политические свободы, но ее крупные нефтяные запасы вынуждают официальный Мадрид проявлять сдержанность, избегать критических заявлений и даже удивительным образом находить признаки несуществующего «процесса демократизации»⁹⁴.

Как дипломатическое поражение Х. Л. Родригеса Сапатеро можно трактовать инициативу Н. Саркози создать организацию сотрудничества членов ЕС и государств средиземноморского бассейна. Французскому президенту удалось привлечь к реализации проекта **Союза для Средиземноморья (СДС)** подавляющее большинство стран этого района мира, включая таких антагонистов, как Израиль и Сирия. В ходе парижского саммита 13–14 июля (в нем приняли участие лидеры 43 государств) были достигнуты важные договоренности по целому ряду острых вопросов: мирное урегулирование на Ближнем Востоке, борьба с незаконной иммиграцией, охрана окружающей среды. Кроме того, были поставлены задачи развития торгово-экономических обменов, хозяйственного использования солнечной энергии, активизации сотрудничества в сфере высшего образования и предпринимательства.

Почему успех Парижа стал поражением Мадрида? Концепция СДС имеет свою историю и предполагает реанимацию идеи создания средиземноморского еврорегиона на основе максимально тесного экономического и политического сотрудничества различных областей этого района мира. По существу, Евросоюз уже давно рассматривает Средиземноморье в качестве сосредоточия своих стратегических интересов и крупного резерва экономического роста и политического влияния. В 1995–2005 гг. в рамках так называемого Барселонского процесса Испания имела

⁹³ Conferencia del Presidente del Gobierno con el título “En interés de España: una política exterior comprometida”, en un acto organizado por el Instituto Elcano. Madrid, lunes, 16 de junio de 2008 (<http://www.la-moncloa.es/recursos/la-moncloa/paginaImpimir/html>).

⁹⁴ Ignacio J. Torreblanca. Política exterior comprometida. — “El País”, 23.06.2008.

шанс утвердить собственное лидерство в деле реализации средиземноморского проекта. Однако фактический провал встречи в верхах в ноябре 2005 г. в Барселоне (большинство лидеров региона в ней не участвовали) поставил крест на амбициях Мадрида, и Париж быстро перехватил дипломатическую инициативу и получил ощутимый политический выигрыш. 1:0 в пользу Н. Саркози, прибегая к спортивной терминологии, констатировала испанская печать, комментируя парижский саммит⁹⁵. Конечно, еще рано подводить окончательные итоги. Но очевидно одно: в рамках СДС Испания в обозримом будущем обречена на роль не лидера, а рядового члена и пока будет бороться за то, чтобы штаб-квартира организации разместилась на испанской земле — в Барселоне⁹⁶.

Средиземноморский контекст — яркое доказательство диалектической связи сотрудничества и конкуренции между государствами-членами ЕС. Так, Испания вступила в острую конкурентную борьбу с Германией и Францией за крупный военный контракт на поставку Греции шести фрегатов стоимостью свыше 5 млрд евро. Министр иностранных дел Мигель Анхель Моратинос в попытке укрепить влияние Мадрида в Северной Африке в июле 2008 г. (накануне саммита в Париже) в рамках одного турне посетил Алжир, Ливию, Мавританию, Марокко и Тунис. Рассматривая Магриб как зону своих жизненных интересов (в частности, Алжир обеспечивает 33% испанского импорта природного газа), Испания не собирается «сдавать без боя» свои позиции в этом районе мира и готова к жесткому торгово-экономическому соревнованию с партнерами по Евросоюзу⁹⁷.

Но одновременно в испанских властных структурах есть ясное понимание того, что **террористическая деятельность Аль-Каиды** и ее союзников в государствах Северной Африки, прежде всего — в Алжире, остается реальной угрозой, требующей совместного ответа Испании, Франции и других средиземноморских стран. Лидеры фундаменталистов не скрывают своей цели — «очистить Магриб от французов и испанцев». Особую опасность представляет тот факт, что исламские террористы прочно окопались на территории самой Испании, где они, занимаясь наркоторговлей, аккумулируют денежные ресурсы, направляемые на финансирование подрывных акций. В частности, в результате спецоперации под кодовым названием «подводная лодка» испанские правоохранительные органы пресекли деятельность одной из таких групп, переправлявших деньги алжирским боевикам⁹⁸. В этом плане большое значение имело решение Испании и Франции создать совместный оперативный центр для борьбы с организованной преступностью (прежде всего, с наркоторговлей) в районе Средиземноморья. Эта структура дополнит уже существующую межнациональную антитеррористическую группу, поскольку, как показывает практика, зачастую трудно сказать, где кончается банальная преступность и начинается трансграничный терроризм⁹⁹.

⁹⁵ "ABC", 14.07.2008.

⁹⁶ "El Periódico". Barcelona, 14.07.2008.

⁹⁷ "El País", 10.07.2008.

⁹⁸ Solana J. El peligro del desembarco del Al Qaeda magrebí. — "La Clave", 20-26.06.2008, No. 375, p. 37–39.

⁹⁹ "La Vanguardia". Barcelona, 4.07.2008.

Сохраняя (а в ряде случаев, расширяя) диапазон внешнеполитической активности, правительство Х. Л. Родригеса Сапатеро стремится упрочить международный авторитет испанского государства. Важное место в этом плане занимают программы помощи бедным странам. На этом направлении в период первой legislatury ИСРП произошла подлинная революция. Так, если в 2004 г. объем помощи, направляемой через каналы многосторонних организаций (главным образом — системы ООН), составил 866,8 млн. евро, то в 2008 г. этот показатель превысил 3 млрд. евро, т.е. вырос в 3,5 раза¹⁰⁰.

Акцентированное внимание испанских политических и деловых кругов к отношениям со странами Латинской Америки было вновь продемонстрировано в ходе визита в Мадрид президента Мексики Фелипе Кальдерона. Особый интерес вызвали планы по либерализации мексиканского нефтяного сектора, что может открыть новые возможности лидеру испанского бизнеса — компании «Репсоль». Симптоматичным стало и намерение руководителей двух государств интенсифицировать диалог с Кубой и добиваться отмены санкций, введенных в 2003 г. Евросоюзом в отношении этой страны¹⁰¹.

В предстоящие четыре года могут произойти изменения в испано-американских отношениях — многое зависит от результатов президентских выборов в США. Дворец Монклоа, со своей стороны, уже готовится к новому диалогу с Белым домом. Доказательством тому служит назначение послом в Вашингтон опытного дипломата Хорхе Дескальера, одно время занимавшего пост главы испанской разведывательной службы¹⁰². Вместе с тем, объективно существующие трудности в отношениях с союзниками Испании по ЕС и НАТО будут подталкивать испанское руководство к дальнейшей диверсификации внешнеполитических связей, к углублению сотрудничества с восходящими странами-гигантами, включая Россию.

Задача текущего дня — добиться согласия в обществе по вопросам международной политики. Конечно, как справедливо отмечает Густаво Суарес Пертьерра, «не следует мифологизировать консенсус», но необходимо внутривластное взаимопонимание как платформа для запуска успешного внешнеполитического национального проекта¹⁰³. Заложенный в «доктрине Сапатеро» конструктивный потенциал способствует тому, что в поле зрения испанского политического и экономического истеблишмента попадают все новые страны и регионы (и новые международные проблемы и возможности), а сама внешняя политика Испании приобретает черты дипломатической деятельности глобального уровня и значения.

¹⁰⁰ "Tiempo". Madrid, 6–12.06.2008, No. 1363, p. 40.

¹⁰¹ "El País", 13.06.2008.

¹⁰² "ABC", 25.06.2008.

¹⁰³ Suárez Pertierra G. Presencia e imagen internacional de España, p. 152.

Соотношение европеизма и атлантизма во внешней политике Испании (постфранкистский период)

Е. Г. Черкасова

XX век начался крайне неудачно для Испании. Поражение в войне 1898 г. привело к утрате последних заморских владений — Кубы и Филиппин, т.е. по существу к окончательной ликвидации испанской колониальной империи. Ликвидация империи со всей остротой поставила совершенно другую задачу — преодолеть исторически сложившееся отставание от остальной Европы, обратить свое внимание не на заморские владения, а на север, на своих ближайших соседей. Выражаясь современным языком, это была задача модернизации или европеизации страны, на решение которой у Испании по существу и ушел весь XX век. Вопрос о принадлежности Испании к Европе являлся большим для испанских мыслителей поколения 1898 г. Некоторые из них утверждали, что Испания является Европой лишь наполовину и что Африка начинается на Пиренеях. Этой же концепции отчасти придерживался и франкистский режим, поощрявший идеи национальной исключительности, ксенофобию и т.п. Недаром одним из основных лозунгов франкизма был «*España es diferente*» («Испания другая»).

В развитии «модернизации» или европеизации « по-испански» можно выделить три периода:

1. Период революции 1931–1939 гг. Это период европеизации то очень робкой (аграрный вопрос так и не был решен, латифундизм не был ликвидирован), то, напротив, чрезмерно радикальной (насильственная секуляризация, убийства священников, предоставление избирательных прав женщинам), очень непосредственной, подверженной влиянию извне. На этом этапе попытка европеизации потерпела поражение, приведя к гражданской войне и установлению диктатуры.
2. Позднефранкистский период — с конца 50-х — начала 60-х гг. и, по существу, до смерти диктатора. Именно в этот период был сделан окончательный моральный выбор в пользу Европы, именно тогда Европа стала для испанской обществен-

ности образцом свободы, демократии и прогресса. Началом возвращения в Европу явился период испанского «экономического чуда» 60-х годов. Приобщение в самом широком смысле к европейской культуре шло на уровне личности: этому способствовали массовая эмиграция испанцев в страны Западной Европы и еще более массовый иностранный туризм в Испанию. Новая волна европеизации 60–70-х годов шла уже не на уровне призывов узкой группы интеллектуалов, как это было на рубеже веков. Она затронула все испанское общество, разрушила прежний быт среднего испанца. Именно в европеизации большинство испанской интеллигенции видело средство избавления страны от бедности и отсталости. Этот этап можно условно назвать этапом экономической европеизации. Только экономической, т.к. сам Франко, разумеется, не был ни европеистом, ни — еще менее — атлантистом, а был лишь испанским националистом.

3. Постфранкистский период. Он начинается со смерти диктатора в 1975 г. и подразделяется, на мой взгляд, на четыре этапа: непосредственно вступление в НАТО и ЕС — до 1986 г.; этап внешнеполитического консенсуса до 2002; этап нарушения консенсуса 2002–2004 гг. и, наконец — современный этап с 2004 г. по настоящее время.

Первый этап — это, конечно, прежде всего этап европеизации политической. Этот этап был призван решить три основные задачи, без которых ни о какой европеизации Испании не могло быть и речи — это проблема подчинения армии гражданской власти, полного отделения церкви от государства и формирования политической системы, основанной на всеобщем избирательном праве. Переход к демократическому правовому государству в Испании путем «реформы», а не «разрыва» стал возможен благодаря феномену консенсуса всех внутривнутриполитических сил — от постфранкистов до коммунистов, — которые ради спасения государства и общества, предотвращения новой гражданской войны еще в начальный, самый сложный период перехода к демократии заключили между собой соглашение по основным вопросам внутривнутриполитической жизни.

Этот политический опыт был основан — в идеологическом плане — на отказе от «особого пути» развития и недвусмысленном выборе в пользу европейской политико-экономической модели. В экономическом плане этот консенсус, опираясь на уже сложившуюся во франкистский период рыночную экономику и средний класс.

Ликвидация франкистского режима сделала возможным интеграцию Испании в европейские структуры на всех уровнях. Важнейшей внешнеполитической задачей Испании стало вступление страны в Европейский союз. Испания на протяжении десятилетий добивалась вступления в ЕС, видя в этом шаге средство преодоления исторически сложившейся международной изоляции, увеличения веса при принятии решений как в европейском, так и в глобальном масштабе, что должно было привести к ликвидации своеобразного «комплекса неполноценности» при проведении внешней политики. В Испании «европеизм» представляет целостный политический выбор, включавший как внутренний (стремление объединиться с европейскими демократиями и приблизиться к ним в социально-экономическом плане), так и внешний (стремление участвовать в строительстве единой и сильной Европы) компоненты.

Постепенное осознание того очевидного факта, что в конкретных условиях се-

редины 80-х гг. основная внешнеполитическая цель страны — вступление Испании в ЕС — не могла быть достигнута без вступления Испании в НАТО, сыграло решающую роль в изменении позиции правительства ИСРП и широких слоев населения по вопросу о членстве страны в Североатлантическом блоке. Этот вынужденный внешнеполитический шаг, использовавшийся как средство давления при решении вопроса о вступлении страны в ЕС, позволил Испании найти приемлемый баланс между европейским и атлантическим компонентами своего внешнеполитического курса, явно склоняющегося в сторону первого. Таким образом, задолго до того, как вступление в НАТО стало предварительным условием для вступления в ЕС восточноевропейских стран, с этой проблемой столкнулась Испания.

Что касается атлантизма, то если на протяжении десятилетий франкистского периода представления Испании о собственной безопасности определялись прежде всего двусторонними соглашениями с США (с 1953 г.), которые включали предоставление испанской территории для размещения американских военных баз, то в постфранкистский период испанские правительства, не отказываясь от практики двусторонних соглашений, взяли курс на полномасштабное вступление Испании в НАТО, не возможное ранее по политическим причинам.

Испания — член НАТО с 1982 г. Сложность и острота внутривнутриполитической борьбы, развернувшейся в стране в первой половине 80-х гг. по вопросу о вступлении страны в Североатлантический блок, обусловила необходимость проведения — впервые в истории союза — общенационального референдума по условиям участия страны в НАТО. Таким образом, атлантизм являлся как бы подчиненным, дополнительным направлением по отношению к приоритетному направлению — европеизму. Это также объясняется историческими факторами, а именно специфическим характером внешних угроз. Испания была традиционно маловосприимчива к гипотетической «угрозе с Востока», но весьма озабочена вполне реальной «угрозой с Юга». Эта угроза в первую очередь связана с неурегулированной проблемой принадлежности Сеуты и Мелильи — двух испанских анклавов на территории Марокко. Испанские правящие круги отдают себе отчет в том, что в случае вооруженного конфликта с Марокко Испания не получит поддержки ни в арабском мире, ни со стороны развивающихся стран, ни со стороны Запада. На территории Сеуты и Мелильи не распространяется юрисдикция НАТО (расположены южнее тропика Рака).

Второй этап начинается с референдума 1986 г., определившего отношения Испании с НАТО, а также по существу и ее представления о трансформации блока в постбиполярном мире. Необходимость сохранения НАТО, а также необходимость присутствия американских вооруженных сил в Европе в постбиполярную эпоху не ставилась под сомнение испанскими правящими кругами, которые продолжали рассматривать ее в качестве элемента стабильности.

Пересмотр отношений Испании с блоком в конце 80-х — 90-е гг. подразумевал его превращение в организацию более «европейскую», ориентированную на поддержание мира. При этом реформа НАТО, по мнению правительства, должна была быть направлена на то, чтобы уровень вооруженных сил союза оправдывался бы исключительно принципом сдерживания, а также включал отказ от использования первыми ядерного оружия. Отсюда возникала и необходимость изменения роли военного союза, трансформации НАТО путем распространения на страны — члены

«испанской модели», т.е. политизации союза, перенесении центра тяжести на политические аспекты деятельности и установления исключительно политического характера взаимосвязей.

Успех этой модели, которая была связана с отказом от вхождения испанских вооруженных сил в единую систему военного командования, при участии страны в разработке стратегических проектов, носил весьма ограниченный характер. Положение начало меняться с приходом к власти Народной партии (НП, 1996 г.) и постановкой вопроса о присоединении Испании к военной организации НАТО.

Испания, отказавшись в свое время войти в военную организацию блока, вдохновлялась примером Франции, но, не имея собственного (автономного) ракетно-ядерного арсенала, и, следовательно, возможности претендовать на аналогичную военно-политическую роль в Европе, вынуждена была избрать иной подход. Фактически степень интеграции Испании всегда была значительно выше, чем у Франции. Испания, в отличие от Франции, являлась членом многочисленных военных комитетов НАТО и неоднократно участвовала в совместных военных маневрах.

В условиях постбиполярного мира и особенно после присоединения к Североатлантическому договору ряда восточноевропейских стран перед испанским правительством, постоянно опасавшимся маргинализации страны, в качестве одной из основных внешнеполитических задач встал вопрос о вступлении Испании в военную организацию НАТО. Здесь следует иметь в виду, что в посткоммунистическую эпоху политическая ценность НАТО для Испании, безусловно, гораздо выше, чем военная ценность Испании для НАТО.

Такое положение дел во многом обосновывало позицию правящей Народной партии, всегда высказывавшейся за полное вступление Испании в НАТО и считавшей, что оно уже существует де-факто. Народная партия выступала против проведения нового референдума по рассматриваемой проблеме, полагая, что ограничительные условия референдума 1986 г. не отвечали национальным интересам, а были призваны прежде всего успокоить общественное мнение, в котором преобладали антинатовские и антиамериканские настроения. Впоследствии, когда интерес к теме во многом был утрачен, проведение нового референдума могло бы лишь нарушить уже фактически сложившийся внешнеполитический консенсус. Испания стала полноправным членом военной организации НАТО в 1999 г. Итак, стремясь играть более активную роль в союзе, Испания в 90-е гг. отдавала предпочтение его дальнейшей политизации, превращению в действенный инструмент предотвращения региональных конфликтов.

Третий этап связан с тем, что известные события 11 сентября 2001 г. привели к крутому пересмотру внешнеполитического курса. Опасения маргинализации и осознание новых угроз вновь, как и в 50-е гг., выдвинули на первый план отношения с США.

Серьезные изменения во внешней политике Испании не в последнюю очередь объяснялись усилением связей Франции с Марокко, а также заинтересованностью в сохранении привилегированных экономических связей с Магрибом. Испания убедилась, что она не только играет в ЕС второстепенную роль, но и ЕС не может гарантировать ее территориальную целостность (конфликт на острове Перехиль). Руководствуясь этими мотивами а также идеологическими соображениями, Испа-

ния совершила крутой поворот в сторону США в сопровождении тех союзников по ЕС, которые были недовольны чрезмерным усилением роли Германии и Франции. События 11 сентября 2001 г. продемонстрировали, по мнению правительства НП, что США — гораздо более полезный союзник, чем ЕС. Во многом дело в чрезвычайной озабоченности Испании проблемой баскского терроризма и гораздо более отчетливом осознании ею масштабов террористической угрозы этой угрозы, чем странами, где нет такой проблемы (Франция, Германия). В более широком плане иракский кризис поставил перед европейскими странами вопрос: должны ли они безоговорочно следовать в фарватере внешней политики США как безусловного лидера западного мира или считаться прежде всего с национальными интересами и общественными настроениями. В принципе Испания, выбравшая первый путь, фактически признала однополярный характер современного мира и американскую гегемонию в долгосрочной перспективе.

Х. М. Аснар, будучи более прагматиком, чем идеологом, понял необходимость привлечения на свою сторону правоцентристского и даже центристского электората. Фактически произошел сдвиг правой партии влево, т.е. в центр, вследствие чего и ИСРП в свою очередь была вынуждена сдвинуться влево. Означает ли это, что в какой-то мере атлантизм присущ правым, а европеизм — левым?

Если провести условные аналогии, то можно констатировать, что и председатель правительства ИСРП Ф. Гонсалес в 1986 г. во время референдума о пребывании страны в НАТО, и председатель правительства НП Аснар в 2003 г. в ходе иракского кризиса, оказались в чрезвычайно сложной ситуации, связанной с проблемами международной безопасности. Оба они вынуждены были занять позицию, которая противоречила общественным настроениям, и могла неблагоприятно сказаться на их политическом будущем. В более широком плане эти настроения и в том, и в другом случае являлись отражением традиционно «внеблоковой» традиции со стороны населения Испании. Позиция же лидеров отражала их стремления преодолеть периферийность Испании любой ценой. Ф. Гонсалес в 1986 г. успешно справился со стоявшей перед ним задачей, ему удалось переломить общественные настроения, и он смог одержать победу еще на трех(!) парламентских выборах. Аснару не удалось хотя бы приблизиться к такому результату. Он не получил в обмен на свою безусловную поддержку практически ничего.

Начало четвертого этапа связано с событиями 11 марта 2004 г., когда в Мадриде был совершен крупнейший за всю историю Испании террористический акт. Убедительную победу на выборах одержала ИСРП, лидер которой Х. Л. Родригес Сапате́ро осуществил вывод войск из Ирака и призвал восстановить консенсус по основным направлениям внешней политики страны.

Если первым приоритетом нового правительства было установление определенной степени автономии в отношениях с США, то вторым стало восстановление отношений с ЕС. Европейскому направлению внешней политики страны был придан приоритетный характер, при этом подчеркивается необходимость создания оси Берлин — Париж — Мадрид. В этом же русле идет восстановление относительно автономной средиземноморской и иберо-американской политики Испании, хотя совершенно очевидно, что в некоторых вопросах, например, в отношениях с Марокко, испанские интересы не совпадают с интересами других европейских стран, прежде

всего Франции. Однако, в целом, автономия возможна лишь на путях европеизма, но отнюдь не атлантизма

Подводя итоги, отметим следующее. Консенсус во внешней политике Испании соблюдался в целом на протяжении всего послефранкистского периода — примерно до 2002 г., а затем был нарушен, так как разные силы по-разному оценивали, какой ответ следует дать на вызовы 11 сентября.

В основном по идеологическим причинам и стремясь любой ценой поставить Испанию в один ряд с теми державами, которые действительно имеют вес в мире и принимают решения, — гораздо выше, чем позволяет ее положение средней державы, Аснар, вопреки общественному мнению страны, поддержал США и Великобританию в разгар иракского кризиса. Атлантизм, который в условиях биполярности, представлял собой средство защиты от СССР, не был органически присущ Испании, не участвовавшей во Второй мировой войне и маловосприимчивой к угрозе с востока. В специфических условиях Испании речь шла не о дилемме атлантизм — европеизм, а об альтернативе: европеизм или самобытность (по мнению некоторых исследователей, европеизм или ориентация на третий мир). К этому добавилось то, что в ИСРП никогда не было атлантической традиции, более того, большинство ее старой элиты была в эмиграции не в США, а во Франции и Италии, многие не говорят по-английски. Народная партия гораздо более атлантическая по идеологии и традиции. Но в постфранкистский период у власти находятся чаще социалисты, причем наиболее антиамерикански настроенные становятся министрами иностранных дел (Ф. Моран, М. А. Моратинос). Здесь же стоит и упомянуть совершенно отличные от других европейских стран результаты референдума по Евроконституции (более 76% «за»).

В настоящее время наблюдается полная победа европеизма во внешней политике, крен в сторону атлантистов имел краткосрочный характер. Соотношение может измениться в случае прихода к власти НП, но в любом случае будет уже не столь радикальным, поскольку контрпродуктивный характер их действий стал вполне очевиден.

Особенности и перспективы внешней политики Испании (2004–2008 гг.)

Н. Е. Аникеева

Премьер-министром Испании стал лидер Испанской социалистической рабочей партии Хосе Луис Родригес Сапатеро, после победы на всеобщих парламентских выборах 14 марта 2004 г. Социалисты набрали 42,64% голосов и получили 164 места в парламенте. Правительство ИСРП, действуя в русле предвыборных обещаний, взяло курс на возврат к так называемым традиционным внешнеполитическим ориентирам с целью восстановления широкого консенсуса в испанском обществе в отношении национальной внешней политики. Была поставлена задача — усилить европейский ориентир внешнеполитической линии Мадрида. Последний позиционировался в качестве «естественного геостратегического направления для Испании» и способствовал активизации в этом контексте партнерских взаимоотношений с Францией и Германией.

Одновременно социалисты поставили перед собой и населением Испании амбициозные политические цели, тем более, что экономический рост (2005–2006) позволял всерьез обсуждать перспективы испанского членства в Группе 8 (G8)¹⁰⁴. Премьер-министр Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро подтвердил намерение инициировать процесс включения страны в «Восьмерку». Эти заявления свидетельствовали не только об уверенности испанских социалистов в успешном экономическом развитии страны под их руководством, но и, несомненно, несли внутривнутриполитическую нагрузку — подключение Испании к «Большой восьмерке» было одной из задач консервативного правительства Х. М. Аснара, так и оставшейся нереализованной.

¹⁰⁴ Испания довольно успешно использовала благоприятные моменты нынешнего мирового экономического цикла. Так, рост испанской экономики, по данным правительства, составлял вполне оптимистичные 3,5% (т.е. в два раза больше, чем у большинства ведущих стран ЕС), уровень безработицы в 2005 г. опустился до 8,4% самого низкого показателя с 1979 г., а национальный долг составлял лишь 43% ВВП. К сожалению, в связи с осложнениями, вызванными изменениями мировой экономической конъюнктуры, прирост ВВП снизился, а показатель безработицы в 2008 г. составил 11%.

Что касается российско-испанских отношений, то здесь наблюдается полная преемственность позиций НП и ИСРП, выражающаяся в укреплении сотрудничества и партнерства между нашими странами. В ходе своего визита в Испанию 10 октября 2005 г. министр иностранных дел РФ С. В. Лавров заявил, что РФ и Испания являются «партнерами практически в любой сфере двусторонних отношений и практически по любой международной проблеме». Эти отношения прочно развиваются в русле договоренностей, достигнутых на встречах (2004 г., 2005 г. — *прим. авт.*) президента РФ Владимира Путина с королем Испании Хуаном Карлосом I и премьер-министром Испании Х. Л. Родригесом Сапатеро»¹⁰⁵.

Основной ареной двустороннего взаимодействия остается сотрудничество в области разрабатываемой на платформе ООН программы сосуществования культур, поддержка Москвой испанской инициативы о создании «Альянса цивилизаций». Обе стороны выступают за наращивание партнерства между ЕС и Россией и вывод его на новый уровень¹⁰⁶.

Правительство Сапатеро продолжает вести позитивный диалог с Россией. Подтверждением этому служат итоги очередного визита министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова в Мадрид 17–18 апреля 2007 г., в ходе которого состоялась его встреча с испанским коллегой М. А. Моратиносом, произошел обмен мнениями по вопросам сотрудничества России и Европейского союза, деятельности Совета Россия–НАТО, актуальным международным проблемам — ситуации в ближневосточном урегулировании, Ираке, Афганистане, иранской ядерной программе. И, конечно, важной темой, для обсуждения стала деятельность и реформа ОБСЕ, председателем в которой в 2007 г. являлась Испания¹⁰⁷.

28 сентября 2007 г. состоялся официальный визит председателя Правительства Испании Х. Л. Родригеса Сапатеро в Россию. Встреча с Президентом РФ В. В. Путиным проходила в городе Сочи. В ходе встречи обсуждались различные вопросы двусторонних отношений, в частности в области торгово-экономического сотрудничества, взаимодействия по таким направлениям, как борьба с организованной преступностью, наркоторговлей, отмыванием денег, предупреждение стихийных бедствий и взаимопомощь при их ликвидации, а также перспективы развития связей в области культуры, образования и туризма.

В присутствии глав обоих государств был подписан Меморандум о взаимопонимании, который дал старт работе российско-испанского Форума диалога гражданских обществ, призванного позволить представителям общественных кругов обеих стран вести диалог по вопросам, представляющим обоюдный интерес¹⁰⁸.

1–2 октября 2008 г. проходил визит премьер-министра Испании Х. Л. Родригеса Сапатеро в Санкт-Петербург, в ходе которого прошли переговоры с Президентом РФ Д. А. Медведевым. Лидеры России и Испании обсудили вопросы отношений РФ

¹⁰⁵ Embajada de Espana en la Federacion de Russia (www.ispania.aha.ru).

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ www.rian.ru. 10.04.2007.

¹⁰⁸ www.kremlin.ru.sdocs.news. 29.09.2007.

и ЕС, ситуацию на Ближнем Востоке, вокруг иранской ядерной проблемы, а также перспективы торгово-экономического сотрудничества двух стран¹⁰⁹.

Руководство ИСПП придало дополнительный импульс Евро-средиземноморскому процессу с целью укрепления национальных позиций в южном и юго-восточном Средиземноморье, инициировав в этих целях проведение в 2005 г. саммита стран-участниц, который стал юбилейным для барселонского процесса.

21 декабря 2007 г. в Риме премьер-министр Испании Х. Л. Родригес Сапатеро совместно с тогдашним премьер-министром Романо Проди и президентом Франции Николя Саркози обсудили перспективы формирования Средиземноморского союза. Образование этой организации состоялось в июле 2008 г.¹¹⁰

Новое правительство ИСПП приветствовало состоявшееся 1 мая 2004 г. расширение ЕС, которое, по его мнению, явилось значительным шагом вперед по пути формирования демократической, стабильной и процветающей Европы.

На прошедшем в Испании в феврале 2005 г. референдуме о ратификации Конституции Европейского союза большинство голосов (76,7%) было отдано «за». Примечательно, что примерно такой результат прогнозировали эксперты. Ведь с момента вступления в Евросоюз в 1986 г. уровень жизни в Испании заметно вырос — не в последнюю очередь благодаря трансфертам из общеевропейского бюджета.

В феврале 2008 г. на встрече в Брюсселе министров иностранных дел ЕС Испания была в числе 5 (из 27) стран, выступивших против независимости Косово. Министр иностранных дел Испании М. А. Моратинос подтвердил, что испанская сторона не намерена признавать самопровозглашенное в одностороннем порядке новообразование, потому что считает, что этот акт не соответствует международному праву¹¹¹. Эта позиция обусловлена и тем, что Испания испытывает серьезные трудности, связанные с национализмом и сепаратизмом в Стране Басков. Консервативная Народная партия также отвергает подобное решение баскской проблемы. Поэтому в отношении такой важной международной проблемы, как статус Косово, «его позиция прежде всего за то, чтобы был максимальный консенсус внутри Евросоюза, за всеобщее соглашение между всеми сторонами, которые там участвуют, чтобы при этом было одобрение ООН»¹¹².

Испанское правительство давно озабочено проблемой иммиграции. Канарские острова давно стали одним из основных перевалочных пунктов на пути нелегальной иммиграции из Африки в Европу. По официальным данным европейской статистической службы Евростат, Испания заняла в 2005 г. первое место среди стран ЕС по числу прибывших в нее иммигрантов¹¹³.

Несмотря на предпринимаемые меры, ситуация с ростом числа нелегальных иммигрантов из стран Африки продолжала ухудшаться и в 2006 г. Министр иностран-

¹⁰⁹ www.newspain.ru. 1.10.2008.

¹¹⁰ www.nr2.ru. 04.03.2008

¹¹¹ www.vesti.ru.doc.html. 18.02.08

¹¹² www.kremlin.ru.sdocs.news. 29.09.2007.

¹¹³ Аникеева Н. Е. Испания: основные векторы политического развития. — «Год планеты : ежегодник». М., 2007, с. 280.

ных дел Испании М. А. Моратинос призвал к сотрудничеству в этом вопросе власти государств, из которых нелегалы отправляются к Канарским островам. Совместный с Марокко опыт предотвращения и пресечения нелегальной иммиграции испанской стороной был в целом оценен как успешный¹¹⁴.

Заслуживает внимания мнение кабинета министров Испании в отношении высказанного руководством США намерения разместить противоракетную систему на территории Польши и Чехии. Эта идея вызвала «большие сомнения» у правительства Родригеса Сапатеро, поскольку ее претворение в жизнь может негативно отразиться на отношении стран Евросоюза с Россией и арабскими странами. Министр иностранных дел Испании М. А. Моратинос, в частности, отметил, что «будет настаивать на детальном обсуждении данного вопроса в рамках Евросоюза и НАТО для выработки общего решения. Размещение американских ракет в некоторых странах Восточной Европы может усилить гонку вооружений и иметь негативные последствия для международных отношений, в первую очередь с Россией». Правительство Испании создало специальную комиссию в рамках министерств обороны и иностранных дел с целью изучения возможных последствий американской инициативы¹¹⁵. Характерно, что обеспокоенность России планами США по развертыванию элементов ПРО в Польше и Чехии полностью разделил экс-премьер-министр Испании, бывший лидер ИСРП Ф. Гонсалес.

Напомним, что вывод испанских войск из Ирака в 2004 г. вызвал охлаждение испано-американских отношений. Тем не менее Испания принимает участие в миротворческих операциях НАТО, в частности, присутствующий в Афганистане испанский контингент миротворцев, в первой половине 2007 г. насчитывал около 700 солдат и офицеров. Вашингтон настаивает на том, чтобы Испания активнее участвовала в борьбе с талибами и террористами «Аль-Каиды» в Афганистане.

25 сентября 2007 г. в Нью-Йорке, в штаб-квартире ООН на Генеральной сессии Ассамблеи состоялась встреча президента США Дж. Буша и премьер-министра Испании Х. Л. Родригеса Сапатеро. Главным итогом этого непродолжительного общения стала констатация того, что испано-американские отношения в политической и экономической области можно назвать хорошими¹¹⁶.

В обозримом будущем новые перспективы для Испании обещает сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии и Китаем. О повышении активности Мадрида в этом регионе свидетельствуют результаты визита в столицу Испании в ноябре 2005 г. председателя КНР Ху Цзиньтао. В ходе переговоров стороны подписали десять совместных документов в рамках создания двустороннего Стратегического сообщества. Договоры направлены на выстраивание привилегированного партнерства между Пекином и Мадридом в политической, экономической, торговой, научно-технической сферах, а также усиление взаимодействия на международной арене. Аналитики отмечают, что в основе этого партнерства лежат очевидные экономические императивы — среди подписанных документов, в частности, были договор о со-

¹¹⁴ www.euronews.ru. 28.06.06.

¹¹⁵ РИА Новости, 21.03.2007.

¹¹⁶ "El Pais", 26.09.2007.

трудничестве в сфере мирного использования атомной энергии, пять соглашений между крупнейшими испанскими компаниями «Телефоника», «Гамеса», «Индра» и их китайскими бизнес-партнерами на общую сумму свыше 900 млн. евро¹¹⁷.

Важным событием 2005 г. стал состоявшийся с 13 по 15 октября 15-й иберо-американский саммит в испанском городе Саламанка. По итогам этой встречи было принято 13 резолюций по политическим, экономическим и социальным вопросам развития. В работе форума принимали участие главы государств и правительств Испании, Португалии, Андорры и 19 стран Латинской Америки, отмечалось стремление выступать единым фронтом на мировой арене в защиту международного права, высказывалась мысль о необходимости усиления роли ООН.

Участники встречи в Саламанке подтвердили необходимость координации действий стран-участниц в перерывах между саммитами. Эта обязанность возложена на генеральный секретариат иберо-американского сотрудничества с постоянным центром в Мадриде (SEGIB)¹¹⁸. Однако материальные и политические ресурсы организации не столь значительны, а действия ограничены полномочиями глав государств. Кроме того, в политическом плане она стремится избегать столкновений с другими региональными организациями, например, такими как ОАГ. Так что существуют своего рода «естественные», структурные ограничения политической активности Мадрида в этом направлении.

Важным событием, имеющим большое значение для роста авторитета Испании в мире, стал тот факт, что 22 января 2008 г. новым главой Парламентской Ассамблеи Совета Европы стал испанец Луис Мария де Пуч, сменивший на этом посту христианского демократа из Нидерландов Рене ван дер Линдена. По новым правилам испанский сенатор будет возглавлять ПАСЕ два года вместо трех лет, как было ранее.

Расхождения в руководящих кругах Испании по вопросу ее внешней политики, обусловленные сменой правительств, находящихся у власти, существовали на протяжении всего периода консолидированной демократии. Различие между курсом ИСРП и НП в основном заключалось в том, что социалистам было свойственно меньшее следование атлантизму во внешней политике, а Народная партия, наоборот, стремилась укреплять партнерство с Вашингтоном. Что касается вопроса европейской интеграции, то при всех правительствах, по данной проблеме сохранялся консенсус.

Новый испанский лидер Родригес Сапатеро представил Испанию в качестве самостоятельного игрока в мировых делах, свободного от внешнеполитических обязательств предыдущей администрации. Он использовал изменение позиции по Ираку как для «восстановления мостов» с Парижем и Берлином, так и для повышения престижа Испании в арабском мире и Латинской Америке.

Руководство ИСРП собирается продолжать сбалансированное партнерство Мадрида с США и европейскими державами. Сохраняя преемственность внешнеполитических подходов, правительство социалистов рассматривает НАТО в качестве основного элемента евроатлантической безопасности и одновременно выступает

¹¹⁷ Каримов Т. Испания: правительство удовлетворено результатами экономического развития. — Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС «Компас», № 6, 09.02.06.

¹¹⁸ Zarzuela A. Iberoamerica. Desafios para despues de una Cumbre. — "Cambio", 31.11.2005.

за обеспечение ведущей роли ООН в мировых делах в качестве действенного много-стороннего механизма решения ключевых глобальных и региональных проблем.

В целом, первые 4 года нахождения у власти правящей ИСРП можно оценить позитивно, учитывая заметные успехи в экономике в этот период, а также определенные достижения во внешней политике, способствующие росту авторитета страны в системе международных отношений.

На состоявшихся в Испании 9 марта 2008 г. парламентских выборах ИСРП получила голоса 43% избирателей при явке более чем 75%, что соответствует 169 из 350 мест в Конгрессе депутатов — нижней палате испанского парламента. Народная партия имеет 154 мандата.

Вновь назначенный на должность министра иностранных дел Испании М. А. Моратинос в одном из своих первых интервью после выборов, говоря о приоритетах внешней политики на ближайшие четыре года, подчеркнул, в частности, что «намерен укреплять основные стратегические линии во внешней политике Испании: обеспечивать функционирование мировой системы, через многополярность и ООН с тем, чтобы ответить на такие вызовы, как борьба с терроризмом, изменение климата, энергетическая безопасность, регулирование иммиграции. Вторым по важности приоритет — это укрепление роли ЕС, в том числе через председательство Испании в этой организации (в 2010 г. — прим. авт.). В связи с этим необходимо пересмотреть энергетическую политику в ЕС и запустить механизмы и инструменты Лиссабонского договора».

Однако во внутренней политике на фоне кризисных явлений в экономике Испании, связанных с изменением мировой экономической конъюнктуры, наметилась тенденция падения доверия к правительству. Это в первую очередь касается мер, предпринятых им для противодействия кризису.

Тем не менее, итоги парламентских выборов 2008 г. означают, что приход социалистов к власти четыре года назад не был случайным успехом. Курс, избранный Родригесом Сапатеро во внешней политике, очевидно будет продолжен.

Об отношении Испании к провозглашению независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии

Г. И. Волкова

17 февраля 2008 г. парламент Косово в одностороннем порядке провозгласил независимость этой сербской провинции и ее превращение в независимое государство. Последующие события доказали правоту тех, кто прогнозировал, что одностороннее провозглашение независимости косовского края будет иметь негативные последствия для международной, в т.ч. европейской стабильности. Правительство Испании твердо заявило о нелегитимности косовской независимости. Причем эта позиция встретила одобрение всех политических сил страны, за исключением региональных националистов.

Держа в уме собственные этнорегиональные проблемы, испанцы обоснованно опасались усиления в дальнейшем сепаратистских настроений в других конфликтных регионах. Руководство МИД Испании предупреждало, что признание Косово в качестве суверенного государства Соединенными Штатами и странами ЕС приведет к появлению на европейском континенте новых разделительных линий. Проправительственные и оппозиционные СМИ, призывая правительство не признавать независимость Косово, единодушно предостерегали об опасности создания силами США и Евросоюза нежизнеспособного государственного образования в центре Европы. Для испанских аналитиков было ясно, что независимость Косово для Вашингтона являлась внешнеполитическим успехом, столь необходимым администрации Дж. Буша на фоне ее иракского и афганского провалов, но оставалось загадкой то, какие цели преследовал Евросоюз, выбирая опасные и изжившие себя методы разрешения этнонациональных конфликтов. У испанского общественного мнения вызывал непонимание дискриминационный подход НАТО и ЕС, пытавшихся наказать весь сербский народ за преступления совершенные группой лиц во время гражданской войны в этой стране.

Испанские политологи полагали, что необдуманное действия международного сообщества породят много неудобных вопросов, на которые со временем придет-

ся давать ответ. В частности, вопрошалось: на сколько частей должны разделиться Сербия или Испания, чтобы удовлетворить националистические пожелания тех, кто считает, что границы государства нужно устанавливать по периметру населяющего его этноса? Этот вопрос отнюдь не был риторическим для полиэтничной Испании, где сохранение единства нации и территориальной целостности страны являются злободневными проблемами. Как известно, XX век ознаменовался распадом многонациональных государств, межэтническими войнами, ростом национализма. Не осталась в стороне от этих сложных процессов и Испания, где проблемы баскского терроризма, агрессивного сепаратизма, каталонского национализма и межэтнических диспропорций находятся в ряду наиболее актуальных и трудноразрешимых.

Выход Косово из состава Сербии, да еще при активной поддержке ведущих западных стран, превращался в «пример для подражания», становился дополнительным стимулом для этнической мобилизации басков и каталонцев. Подчеркнем, что официальный Мадрид, не желая подогревать националистические настроения в собственной стране, старательно избегал попыток превращения Косово в прецедент, отрицал любое сопоставление между Косово и испанскими регионами. Отказ признавать независимость Косово испанцы мотивировали юридическими причинами. Министр иностранных дел Испании М. А. Моратинос, выступая 18 февраля 2008 г. в Брюсселе на совещании государств-членов ЕС, заявил, что правительство Испании проявляет в косовском вопросе такую же твердость, с которой в апреле 2004 г. приняло решение о выводе испанских войск из Ирака (аргумент: вторжение в Ирак не было санкционировано ООН). По словам министра, эта позиция может быть пересмотрена только в случае признания Косово Сербией, либо принятия новой резолюции СБ ООН. Следует подчеркнуть, что М. А. Моратинос не видел противоречия в том, что Испания намерена сохранить в крае свой миротворческий контингент, поскольку его мандат «опирался на сохраняющее свою силу решение СБ ООН». Одновременно было заявлено, что Мадрид, осознавая свою ответственность за региональную стабильность, готов внести вклад в усилия ЕС по поддержанию безопасности и правопорядка в Косово. Эта позиция, однако, не должна интерпретироваться как косвенное признание независимости края.

Беспокойство Мадрида о том, что независимость Края окажет стимулирующее воздействие на региональных националистов в самой Испании оказалось не беспочвенным. 17 февраля 2008 г. автономное правительство Страны Басков выступило с официальным заявлением, в котором выделение Косово из состава Сербии было названо «примером мирного, демократического решения конфликтов в современном мире», а также — подтверждением «сохраняющейся действенности принципа свободы самоопределения народов»¹¹⁹. Один из лидеров каталонских радикалов Ж. Ридао заявил, что «косовский прецедент», имеющий чрезвычайную значимость для Каталонии и Страны Басков, доказывает, что когда люди хотят независимости, это желание должно быть удовлетворено»¹²⁰.

Бывший премьер-министр Испании Ф. Гонсалес назвал признание независимости Косово США, Францией и Германией «семенами, которые дадут ужасные

¹¹⁹ «El País», 18.02.2008, p. 5.

¹²⁰ «El País», 19.02.2008, p. 3.

всходы».¹²¹ Ему вторил другой экс-премьер Х. М. Аснар, расценивший предоставление краю независимости как «ошибку с тяжелыми последствиями». Приведем заключительный пассаж одной статьи Аснара: «Говорят, что Косово — это уникальный случай, который не будет примером для других сепаратистских движений. Но какой довод мы теперь сможем привести тем же косовским сербам, чтобы воспрепятствовать их независимости и свободному присоединению к Сербии? ...Проблема в том, что косовары добились своей независимости и суверенитета таким путем, что это создает перспективу, дает основание верить, что и другим подобная возможность будет по плечу. Не сейчас и не завтра. Но в будущем. Если им — да, то почему нам — нет. Вот что нам будет сказано рано или поздно»¹²².

Мало кто предполагал, что слова Х. М. Аснара станут пророческими, а косовский прецедент с еще более тревожной силой зазвучит всего полгода спустя, после 8 августа 2008 г. в связи с драматическими событиями вокруг Южной Осетии и Абхазии.

Первопричиной конфликта в Южной Осетии и Абхазии испанцы называют застарелый этнонациональный вопрос, который сохранял латентную конфликтность на протяжении длительного периода, как в период имперской России, так и в годы советской власти. Вину за начало кровопролития испанцы возлагают на президента Грузии. Газета «Эль Паис», в частности, так характеризовала действия М. Саакашвили: «Решение президента Грузии о вооруженном вторжении в Южную Осетию было трагической ошибкой. ...Глава государства, несмотря на провокации со стороны сепаратистов, не должен был прибегать к самоуправству. Насильственные действия против Южной Осетии не только нельзя оправдать, но они стали также политической ошибкой, из которой премьер-министр России Владимир Путин попытается извлечь выгоду»¹²³.

Однако, не снимая ответственность с М. Саакашвили за агрессию против Южной Осетии, испанцы в то же время считали, что ответ Москвы на вооруженную провокацию Тбилиси был непропорциональным, а признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии подрывает принцип территориальной целостности государств. Иными словами, позиции России и Испании по этим пунктам существенно разошлись.

В публичных оценках ситуации вокруг Южной Осетии и Абхазии представители ведущих политических партий Испании, представленных в парламенте, исходили из ситуации в самой Испании и в собственных регионах. Отсюда, как и в случае с Косово, — диаметрально противоположное отношение к признанию Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Представители ведущих общенациональных партий — правящей социалистической и оппозиционной Народной — однозначно высказались против признания независимости двух кавказских республик. Наоборот, Баскская националистическая партия и Левые республиканцы Каталонии, хотя и с оговорками, признали право абхазов и югоосетинцев на самоопределение.

¹²¹ "El País", 21.02.2008, p. 6.

¹²² "La Razón", 22.02.2008, p. 27.

¹²³ "El País", 11.08.2008, p. 26.

Что касается взаимоотношений с Россией, то испанцы, как следует из заявления министра иностранных дел М. А. Моратиноса, не сторонники их обострения. Признавая сложность переживаемого момента, испанские руководители призвали партнеров по НАТО и ЕС действовать осмотрительно, соизмеряя свои действия с развитием ситуации, в т.ч. с выполнением российской стороной взятых ею обязательств по урегулированию конфликта.

Взвешенная позиция испанских руководителей относительно действий России по урегулированию югоосетинского кризиса контрастировала с волной антироссийской истерии, захлестнувшей испанские СМИ в ответ на признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Тем не менее, даже в антироссийских публикациях признается немалая доля ответственности Запада, особенно США, за возникновение кризиса. Это касается, прежде всего, косовского прецедента. Испанские обозреватели почти единодушны в том, что, создав его, западные страны открыли «ящик Пандоры», в частности, развязав России руки для признания независимости двух закавказских республик¹²⁴. Кроме того, подчеркивается, что всего за несколько дней России удалось превратить провокационные действия М. Саакашвили в демонстрацию слабости Запада, его двойных стандартов в вопросах неизбежности национального суверенитета (например, в Ираке), территориальной целостности (что, дескать, допустимо для Косово, недопустимо для Южной Осетии и Абхазии). Кроме того, как явствует из испанских СМИ, у России были гораздо более убедительные основания для ведения боевых действий на территории Грузии, чем, к примеру, у Дж. Буша, начавшего агрессию против Ирака под предлогом поиска несуществующего там ОМУ, а также чем во время вторжения США на Гренаду, целью которого якобы было спасение американских студентов-медиков.

В целом, следует констатировать, что отношение испанцев к провозглашению независимости Абхазии и Южной Осетии соответствует их принципиальной позиции применительно к Косово: испанское руководство не признало независимости Косово и, по всей видимости, даже в долгосрочной перспективе не признает независимость Абхазии и Южной Осетии. И в том, и другом случае реакция правительства Испании диктуется правовыми причинами, однако в глубинном плане, как представляется, эта позиция объясняется задачами сохранения территориальной целостности собственной страны.

¹²⁴ "ABC", 27.08.2008, p. 4.; "Público", 28.08.2008, p. 3.

Об авторах

Авилова Агнесса Викторовна — ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат экономических наук

Аникеева Наталья Евгеньевна — доцент Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, кандидат исторических наук

Волкова Галина Ивановна — докторант Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, кандидат социологических наук

Дубинин Юрий Владимирович — заместитель министра иностранных дел РФ (1994–1999), посол СССР в Испании (1978–1986), профессор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России

Кожановский Александр Николаевич — старший научный сотрудник Института этнологии РАН, кандидат исторических наук

Куракина Александра Андреевна — аспирантка Института Латинской Америки РАН

Паисова Анна Александровна — старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук

Прохоренко Ирина Львовна — старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат политических наук

Руис де Асуа Мигель Анхель — профессор Мадридского Университета Комплутенсе

Самсонкина Екатерина Сергеевна — преподаватель Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

Сантамария Оссорио Хулиан — директор департамента, профессор Мадридского университета Комплутенсе

Хенкин Сергей Маркович — профессор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, доктор исторических наук

Черкасова Екатерина — старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат исторических наук

Яковлев Петр Павлович — директор центра Института Латинской Америки РАН, кандидат исторических наук